

РЕТРО-
ДЕТЕКТИВ

ЗОВ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

АЛЕКСАНДР РУЖ

Ретро-детектив (ЭКСМО)

Александр Руж

Зов Полярной звезды

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Руж А.

Зов Полярной звезды / А. Руж — «Эксмо», 2021 — (Ретро-детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-120273-6

1923 год. Часть территории бывшей Российской империи отошла Польше, в том числе разрушенная в ходе Первой мировой крепость Осовец, знаменитая «атакой мертвецов». Новые хозяева разбирают завалы и обнаруживают в подземелье живого человека, который провел в каменном мешке несколько лет! Вадим Арсеньев одет в форму военнослужащего царской армии, он совершенно не помнит своего прошлого, но приобрел удивительные качества: способность видеть в темноте и молниеносную реакцию... Сенсационная история оказывается в газетах, и Вадима передают советской стороне. Как интересный пациент, способности которого полезно изучить, Арсеньев попадает сначала в институт мозга, а потом в особый отдел ГПУ, сформированный из людей с уникальными талантами. В составе небольшого отряда Вадим отправляется на Крайний Север, чтобы расследовать одно загадочное и подозрительное дело...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120273-6

© Руж А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Вступление	6
Глава I,	9
Глава II,	22
Глава III,	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Руж

Зов Полярной звезды

© Руж А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Вступление

Кто видел крепость Осовец в августе 1915 года, тот не мог не испытать смятения, смешанного с восхищением. Твердыня, возведенная в конце минувшего века в полусотне километров от города Белосток для защиты важнейших стратегических направлений, была изранена многомесячными штурмами немецкой армии и представляла собой, по сути, нагромождение дымящихся развалин. Однако руины не были бездыханными – жизнь в них не просто теплилась, она кипела и бурлила. Ее не смогли уничтожить ни массированные обстрелы из 305-миллиметровых осадных мортир «Шкода», ни авиационные бомбежки, ни облака ядовитых газов. Крепость, которая в феврале, после подхода германской тяжелой артиллерии, могла, согласно расчетам, продержаться не более сорока восьми часов, держалась полгода.

Но даже такой самоотверженной борьбе рано или поздно приходит конец. В одном из немногих уцелевших казематов, изъязвленном трещинами, сидел за столом человек в кителе с погонами генерал-майора и набрасывал карандашом на листке бумаги план эвакуации гарнизона. Стол был сколочен из ящиков из-под оружейных снарядов, свет в беззаконном пространстве давала маленькая коптилка, стены сотрясались от взрывов, но человек работал так четко, точно сидел где-нибудь в петроградской штабной комнате, обставленной со всем комфортом и бесконечно далекой от фронтовой полосы.

То был Николай Александрович Бржозовский – бывший начальник крепостной артиллерии, а с января комендант крепости. В этой должности он сменил Карла-Августа Шульмана, который хоть и удостоился Георгия за успехи первых месяцев войны, но все же был отстранен от комендантства и переброшен на другой участок военного театра.

Лязгнула окованная железом дверь, и в каземат ввалился человек в прожженной шинели – полковник Катаев, командир Землянского пехотного полка и начальник второго отдела обороны крепости. Его легкие, как и у многих здесь, были отравлены хлором, и он мял в руке грязный платок, то и дело сплевывая в него.

– Ваше превосходительство, – прохрипел он, – кто-то распространяет слухи, что Осовец будет нами в скором времени сдан. Двое провокаторов по моему приказу уже арестованы. Полагаю, расстрел должен быть публичным... кха!..

– Отпустите их, Константин Васильевич, – не приказал, а скорее попросил Бржозовский и потер пальцами красные от бессонницы веки.

– Что, простите?..

– Я говорю, дайте приказ, чтоб их отпустили. Не надо никого расстреливать. Они правы: крепость будет сдана в течение ближайшей недели.

Катаев опешил, даже кашлять перестал. Рука с платком опустилась долу.

– Как же так, ваше превосходительство? – пробормотал он. – У нас есть еще потенциал, крепость может выстоять и месяц, и два... и год!

– Может, – согласился Бржозовский. – Только этого уже не требуется. Пришел приказ от высшего командования. После прорыва немцев в Галиции дальнейшая оборона Осовца теряет всякий смысл. Мы окажемся в мешке, из которого не выбраться, и зря положим тысячи солдат. Поэтому с сегодняшнего дня начинаем поэтапную эвакуацию людей и имущества. Надо постараться сделать все планомерно, без спешки и паники.

Катаев закашлялся, прижал платок ко рту. Бржозовскому показалось, что сделал он это не по причине накатившего приступа, а чтобы переварить только что полученную информацию. Она была неожиданной, требовала осмысления.

– Справимся ли за неделю? У нас две с половиной сотни орудий, в том числе почти семьдесят тяжелых. Еще картечницы, «максимы», ручные пулеметы... не считая складов, где хранятся боеприпасы, провизия и обмундирование. Как все это вывезти в сжатые сроки?

Ахнула «Толстушка Берта» – самая большая немецкая мортира. Снаряд с противным воем пронесся над казематом, разорвался где-то невдалеке. С потолка посыпалась каменная пыль.

– Надо успеть, Константин Васильевич, – сказал генерал-майор. – Оружие вывозим в первую очередь. Ни одна винтовка не должна достаться врагу! Что касается складов, то, боюсь, их придется ликвидировать. Поручаю это вам. Переговорите сейчас же с полковником Масальским, отдайте необходимые распоряжения. Немцы должны получить крепость абсолютно пустую и разрушенную до основания.

– Слушаюсь, ваше превосходительство, – шевельнул словно бы заржавленными челюстями Катаев и вышел из каземата.

Десятью минутами позже он уже вышагивал меж редутов и люнетов в сопровождении командира саперной роты Масальского и заведующего хозяйственной частью подполковника Дитмара.

– Взорвать склады – дело нехитрое, – размышлял вслух Масальский. – Динамита у нас с лихвой. Дам приказ, мои ребята заложат мины, рванем – и шито-крыто.

– Надо ли взрывать *все* склады? – уточнил Дитмар. – В Новом форте они у нас размещаются глубоко под землей. Там вместительные подвалы, сводчатые перекрытия... Их и взрывать – морока, да и резона нет.

– Что вы предлагаете? – спросил Катаев.

Подполковник огляделся по сторонам – не подслушивает ли кто – и понизил голос, что в наполнявшей воздух канонаде было, пожалуй, излишней предосторожностью.

– Часть складов можно законсервировать. Закупорить до лучших времен.

– Закупорить? – Катаев выхаркнул в платок сгусток слезы. – Кха!.. Как вы себе это представляете?

Дитмар обратился к шедшему с ним бок о бок Масальскому:

– Можно ли устроить подрыв таким образом, чтобы завалило только вход, а основные помещения склада остались нетронутыми?

– Что ж тут сложного? – Масальский вынул из кармана плитку жевательного табака, повертел в руках, но откусывать не стал, положил обратно. – Это, как говорится, проще пареной репы. Рассчитаем заряд, наметим точку...

– Вот и прекрасно! – Дитмар повернулся к Катаеву. – Господин полковник, я как заведующий хозяйством против бездумной порчи вверенного мне имущества. Столько казенных денег затрачено! Лучше его сберечь. Создадим задел на будущее, вернемся потом на все готовое...

– Сбережется ли? – усомнился Катаев. – Кто знает, когда вернемся... кха!.. Возможно, не год и не два пройдет.

– Да хоть бы и десять. Точное местонахождение складов посторонним неизвестно. Немцы до них не доберутся. Карты уничтожим, а память у меня фотографическая, после войны укажу, где что было, раскопаем, извлечем...

– В подвалах сыро, – возразил Катаев. – Я сам видел: у вас там вода по стенкам сочится.

– На складах превосходная вентиляционная система, она обеспечивает циркуляцию воздуха. К тому же коробки с патронами запаены герметично, а из продуктов в основном мясные и молочные консервы в жестяных банках. Что с ними станется?

– А и верно, – поддержал Дитмара Масальский. – Чего зазря хорошие вещи переводить? Законопатим склады так, что ни одна банка не повредится. Как думаете, Константин Васильевич?

Катаев, сотрясаясь от кашля, кивнул, а еще через полчаса трое минеров уже волокли к подземным складам динамит и мотки электрических проводов.

– С этого, что ль, начнем? – Пожилой унтер, заметно хромавший из-за ранения в левую ногу, кивнул на черный зев ближайшего подвала.

– Велено по этой стороне все пять заткнуть, – откликнулся его напарник с сигаркой во рту. – Разгружайся!

Они сбросили свою ношу на землю. Издалека, со стороны центрального убежища, донеслись звуки труб – это оркестр крепостной артиллерии по обыкновению заиграл марш лейб-гвардии Преображенского полка, как делалось по приказу коменданта каждый день в половине восьмого вечера. Бравурная мелодия, как рассуждал генерал-майор Бржозовский, поднимала дух защитников и лишней раз доказывала противнику, что попытки взять фортецию обречены на неудачу. Но сегодня в этих звуках впервые с начала осады Осовца не слышалось уверенности.

– Эх, просчитались господа командиры! – крикнул с досадой унтер. – Не надобно крепость сдавать... Мы б еще немцу наподдали!

– Начальству виднее, – не согласился с ним третий минер, самый старый из всех, с седой окладистой бородой. – Неизвестно еще, кто кому наподдаст! Выйдет, как с японцами в пятом годе...

Из подвала, возле которого остановились минеры, вынырнул невысокий мужичок в потрепанной шинелишке с ржавыми пятнами крови на рукавах. Увидев минеров, он принял суровый вид.

– Взрывать?

– Так точно, вашбродь! – по-уставному ответил унтер, бывший в группе за старшего. И осмелился прибавить, разглядывая незнакомца: – А вы кто? Чего-то я вас в крепости не видал...

– Поручик интендантской роты Коротаев, – буркнул тот с неохотой. – Прислан на прошлой неделе... – Он оборвал себя, решив, что не обязан отчитываться перед нижними чинами, и строго прикрикнул: – Чего застыли? Закладывайте мину. Склад я опечатал, часового отослал, можно взрывать.

И поспешно удалился в сторону казарм.

Минеры переглянулись.

– Чудик какой-то, – промолвил седой, пожевав клочок бороды, торчавший под нижней губой. – Грит, на прошлой неделе, а к нам ить уже почитай с середины лета никого не присылали. У меня брат Митрошка в штабе служит, я доподлинно знаю.

Минер помоложе выпустил изо рта вконец измочаленную сигарку.

– Не доложить ли командиру? Мало ли, какого шпиёна нелегкая в крепость занесла?

Едва он произнес эти слова, как за валом ухнуло, и все трое увидели вывороченное с корнем дерево, взлетевшее над берегом реки. Обеспокоенный унтер заторопил товарищей:

– Недосуг с докладами бегать. Все одно крепость немцам отойдет, какая теперь разница, шпиён или не шпиён... Копаем!

Они взялись за лопаты и вырыли у входа в подземный бункер неглубокую яму, в которую заложили фугас. Протянули от него длинный провод, подсоединили к подрывной машинке. Залегли в разбитой бомбами конюшне. Унтер крутанул ручку машинки, и землю потряс взрыв, запечатавший вход в складские отсеки. На этот взрыв мало кто в крепости обратил внимание – и без него вокруг все гремело и качалось от непрекращающихся обстрелов.

Минеры выбрались из укрытия, удостоверились, что работа проделана на совесть, и направились к следующему складу.

Черная, как обугленная головешка, крепость Осовец тлела и должна была вот-вот догореть.

Глава I, где герой в буквальном смысле является из тьмы на свет

Шел пятый год существования Польской Республики, или Второй Речи Посполитой, как именовали ее отдельные особо проникшиеся национальной идеей патриоты. Наскоро собранная из осколков Германской империи, Украины и Литвы, она занимала в Европе довольно обширную территорию, однако не могла похвастаться ни политической стабильностью, ни экономической мощью. Первый польский президент Нарutowич был застрелен террористом через неделю после своего избрания. Его преемник Станислав Войцеховский, три года проработавший в должности министра внутренних дел, огнем и мечом подавлял частые выступления недовольных, вспыхивавшие в различных уголках страны. И ломал голову над тем, как побыстрее поднять народное благосостояние, чтобы недовольных не было в принципе.

Польша, едва выбравшаяся из войн, которые шли в ее пределах непрерывно на протяжении семи лет, пребывала в упадке. Большинство промышленных предприятий лежало в руинах, повсюду ощущался острый дефицит съестных припасов, одежды и наипервейших предметов быта. Безработица и гиперинфляция дополняли безрадостную картину.

О том, как выкарабкаться из пропасти, усиленно размышлял не только президент Войцеховский, но и его ближайшие сподвижники, в частности министр казны Владислав Грабский. Он с горькой иронией говорил, что является министром непонятно чего, поскольку государственная казна была пуста, как бутылка, из которой выпили всю зубровку. Ежедневно в кабинет к Грабскому приходили разнообразные посетители. Сыпались звонки и депеши от всевозможных ведомств, содержавшие одну-единственную просьбу: дайте денег. Причем просили не на баловство, приводили аргументы, свидетельствовавшие о том, что если денег не дать, то произойдет катастрофа. Грабский все понимал, всем сочувствовал, но, к великому сожалению, не владел искусством магии и не умел делать злотые по мановению волшебной палочки.

К этому-то министру Грабскому в один из летних дней, когда жара накалила Варшаву так сильно, что не спасали даже распахнутые настежь окна, явился очередной посетитель.

Вернее, не так. Сначала явился секретарь и доложил, что министра очень хочет видеть некий господин, прибывший из Праги.

– Из Праги? – переспросил Грабский. – Он чех?

– Нет, – отвечал секретарь. – Он говорит по-русски, а фамилия у него немецкая. По документам – бывший офицер Российской императорской армии.

Грабский поморщился. С тех пор как в 1918 году Польша обрела независимость, он не любил встреч с бывшими соотечественниками из России. Да и что ему понадобилось, этому русскому с немецкой фамилией?

– Он говорит, что у него имеются сведения, которые покажутся пану министру весьма полезными, – пояснил секретарь.

– Пусть передаст их кому-нибудь из моих помощников. Я занят.

Это было чистой правдой – Грабский с утра просматривал отчеты о поступлениях в госбюджет, и они с каждой страницей повергали его в состояние, близкое к отчаянию.

– Он не желает разговаривать с помощниками. Сказал, что изложит свою информацию лично пану министру, – упорствовал секретарь.

Грабский засомневался.

– А он не псих? Не пристрелит меня, как Нарutowича?

– Он производит впечатление человека неглупого и уравновешенного. При входе его обыскали на предмет оружия, так что пану министру нечего опасаться. – Тут секретарь сделал паузу и присовокупил доверительно: – По моему скромному мнению, его следует принять.

Ох уж эта демократия! Всякая инфузория нынче высказывает свое мнение, а ты обязан прислушиваться, дабы не прослыть реакционером...

– Ладно, пусть войдет, – сдался Грабский. – Только предупредите, что у него пять минут, не более. Мне сегодня еще к заседанию правительства готовиться...

Секретарь вымелся из кабинета и впустил мужчину лет пятидесяти, в котором, несмотря на некоторую сутулость, легко угадывалась военная выправка. На нем был изрядно поношенный мундир со следами споротых погон и дырочками от некогда украшавших грудь орденов и медалей. Можно было безошибочно определить, что визитер не из богатых – сапоги просили каши, вытертые рукава лоснились, а ввалившиеся щеки и болезненный блеск в глазах давали понять, что скверное питание отрицательным образом сказалось на его здоровье.

«Вот и этот пришел денег просить, – с тоской определил министр. – Но почему ко мне? Встал бы возле вокзала с протянутой рукой... А секретарь – каков дурак, а? Тащит сюда всякую шваль, пся крев! Гнать в три шеи...»

Прерывая трепыхание спутанных мыслей в голове министра, зазвучал голос вошедшего:

– Имею честь отрекомендоваться: Александр Федорович Дитмар, подполковник. Служил по хозяйственной части в крепости Осовец, которая, как вы изволите знать, по Рижскому мирному договору отошла вашей стране.

Подполковник изъяснялся на чистом, без какого-либо иностранного акцента, русском. Этот язык Грабский, обучавшийся до революции в русской школе, знал великолепно, каковой факт после вхождения в правительство предпочитал не афишировать.

– Осовец? – процедил министр неприязненным тоном, старательно коверкая слова, чтобы показать, как чуждо ему наречие павшей империи. – Припоминаю... Заезжал туда в прошлом году. Груда камней.

Он не встал из-за стола и не предложил посетителю сесть. Пусть сразу сообразит, что незачем отвлекать высокого чиновника пустопорожней болтовней. Чем скорее уберется, тем лучше.

Дитмар, однако, убираться не торопился.

– Ведомо ли вам, господин министр, что под этими горами камней хранятся истинные сокровища?

– Какие же? – хмыкнул Грабский. – Алмазы Али-Бабы?

– Никак нет. Десятки тонн провианта, армейская амуниция, боевые припасы, стеариновые свечи, американский табак, русский спирт... Для нынешней Польши, где и кусок хлеба на вес золота, это будет почище пещеры Али-Бабы, разве не так?

Отпустив сию колкость, Дитмар сардонически сощурился и глядел в упор на министра.

Грабский на минуту смешался, забарабанил пальцами по столешнице.

Если этот русский не врет, то есть шанс добыть хорошее подспорье. Облагодетельствовать всю Польшу складами одной крепости, конечно, не получится, но пару дыр заткнуть можно. Вон в Кракове железнодорожники бастовать надумали, орут, что их семьи пухнут от голода. Отправить им пяток вагонов с осовецкой тушенкой – авось на какое-то время прекратят свой хай...

– Присядьте, господин подполковник. Вы, если не ошибаюсь, прибыли из Праги?

– Так точно. – Дитмар присел на плетеный стул напротив министерского письменного стола. – После революции искал прибежища в Европе, да поиздержался. Сами видите... – Он провел пальцами по своему заношенному мундиру. – Эти склады – мой последний козырь. Поскольку они находятся в границах Польши, я и пришел к вам.

Министр усмехнулся.

– Но теперь вы выдали вашу тайну. Я имею право воспользоваться ею по своему усмотрению, а вас выдворить из страны без гроша.

– Э нет! – Дитмар покачал лысеющей головой. – В Осовце существовал масштабный укрепрайон. Четыре основных форта, масса вспомогательных объектов... Вы провозитесь не один год, прежде чем найдете склады. А я доподлинно знаю нужное место, укажу его вам и таким образом избавлю вас от хлопот и лишних расходов.

Слово «расходы» действовало на Грабского раздражающе – как на любого финансиста.

– Хорошо, – проворчал он. – Какие комиссионные вы просите для себя?

– Сущие пустяки! – Дитмар хлебосольно развел руками. – Пусть ваши эксперты оценят стоимость всего, что мы найдем, и я бы попросил себе... скажем... десять процентов от общей суммы.

Грабский совсем не по-министерски присвистнул.

– Всего десять процентов? Неужели там действительно целое богатство?

– Убедитесь сами. Если я получу эти десять процентов, то смогу безбедно существовать до конца дней. Да и вы внакладе не останетесь.

– Надеюсь... – Грабский перестал стучать пальцами, сцепил их в замок, выжидательно уставился на подполковника. – Ну? И где они, ваши сокровища?

Дитмар помялся, изобразил на лице смущенную улыбку.

– Я все покажу. Слово офицера. Но прежде... если позволите... хорошо бы договорчик составить. С указанием условий. Так, для порядка...

Над рекой со смешным названием Бобры висело знойное марево. Еще недавно здесь снаряды вздымали водяные фонтаны и вспахивали землю по берегам, ветер не в силах был разогнать пороховой туман, а вместо травы и камышовых стрелок взору представляли черные прогалыны. Сегодня же останки грозной крепости походили на заброшенное, никем не навещаемое кладбище. Мародеры, сунувшиеся сюда после изгнания немцев, не нашли ничего, кроме разломанных стен, сплюснутых гильз и никуда не годного, брошенного за ненадобностью хлама. Они быстро потеряли к крепости интерес, и больше в нее никто не заглядывал. У военного министерства Польской Республики имелись на счет Осовца определенные проекты, например по размещению приграничных воинских частей, но воплощение этих проектов требовало немалых средств и потому откладывалось на неопределенное время.

Взвод солдат в потных гимнастерках с черно-красными петлицами пробирался через заросли высоченной травы, запленившей мертвую крепость. Впереди шел Дитмар, он рукой в кожаной перчатке отводил в сторону стебли и зорко всматривался в одному ему приметные ориентиры. За ним по пятам следовал капрал инженерной роты Коварский. Совсем юный, с нежным пушком вместо усов, он знал о событиях начала Первой мировой лишь понаслышке и с интересом озира́л то, что осталось от героической цитадели.

– Пришли! – объявил Дитмар, поравнявшись с едва видным над травой сооружением, в котором угадывался остов конюшни. – Вот здесь вход в склад номер один. – Он вытянул палец в сторону пологого бугра.

– Кораś! ¹ – повелел Коварский, и солдаты взяли́сь за инструмент.

Понадобилось очистить бугор от обильного растительного покрова. Показался слежавшийся щебень, в который после взрыва фугаса превратилась арка над входом в подвал. Память не подвела Дитмара, склад находился в той самой точке, на которую он указал.

Острые саперные лопатки гроыхнули о щебенку, бестолково заскользи́ли по ней. Коварский недовольно сдвинул брови, отдал лаконичное распоряжение, и в руках у солдат появились кирки. Дело пошло быстрее, в стороны брызнула кирпичная крошка. Коварский с Дитмаром

¹ Копать (польск.).

отошли и присели на поросшую мхом плиту. Коварский свернул из газетного обрывка козью ножку, закурил. Дитмар с неослабным напряжением наблюдал за солдатами, разбиравшими завал.

Кирки в сильных и умелых руках медленно, но верно прогрызали каменную осыпь. Углубление в боковине бугра росло. Еще удар – и волосатые лапищи белобрысого здоровяка, которого сослуживцы уважительно называли Велетнем, по локти ушли в пробитую дыру.

– Jest! – воскликнул здоровяк. – Gotowe! ²

Дитмара как ветром сдуло с места, он, презрев свою подполковничью осанистость, на полусогнутых подбежал к проделанному отверстию, заглянул внутрь. Там было темно, но бывалый интендант нюхом уловил характерный складской запах, к которому примешивалось еще что-то, не совсем понятное, но в данную минуту не имевшее особенного значения.

– Все верно! – заявил подполковник подошедшему с недокуренной самокруткой Коварскому. – Это склад. Прикажите своим людям, чтобы расширили вход.

Капрал перекинулся репликами с Велетнем, и тот в одиночку разметал щебень по крапивным зарослям, сделав лаз достаточно просторным, чтобы в него мог пролезть человек. Коварский спросил Дитмара на ломаном русском:

– Кто есть перший: вы чи я?

– Предлагаю вам. Вы представитель государства, в чье ведение я добровольно передаю все, что находится в этом хранилище, – Дитмар взмахнул перчаткой в направлении лаза, – и вы имеете полное право первым прошествовать туда.

«Прошествовать» – это было сказано слишком помпезно. Коварский не без усилий протиснулся в узкую червоточину и очутился в густой мгле подземелья. Навстречу тянуло затхлостью, характерной для замкнутого пространства, но гнили не ощущалось. Это вселяло уверенность в том, что содержимое склада пребывает в целости и сохранности.

– Mecze! ³ – потребовал капрал, протянув руку назад.

В ладонь ему вложили коробок спичек. Он вынул одну, чиркнул ею и поднял разгоревшийся огонек над головой. Шагнул вперед, рассматривая шероховатые стены.

– Стой! Кто идет? – прозвучал вдруг из тьмы властный окрик.

Коварский застыл, горящая спичка завибрировала в пальцах. Он подумал, что ослышался, но в глубине коридора что-то шевельнулось.

– Кто там? – испуганно проблеял капрал. Этот вопрос имел одинаковую фонетическую форму как на русском, так и на польском языках и перевода не требовал.

Из темноты отчетливо клацнул винтовочный затвор. Догоревшая спичка обожгла Коварского, он выпустил ее, и она погасла. Капрал безотчетно развернулся и в два прыжка достиг спасительного отверстия, через которое проворным ужом выбрался наружу.

– Ну как? – спросил Дитмар. – Что-то вы быстро вернулись. Неужели проход дальше завален?

Солнечный свет и присутствие знакомых людей немного успокоили Коварского, но бледность с его лица сошла не сразу, и подполковник, заметив это, сменил тон:

– Что с вами? Вы как будто привидение увидели...

– Так и есть, – выдохнул капрал, сжав трясущиеся пальцы в кулаки, чтобы не позориться перед подчиненными. – Там... под зьемля... ктось до мене молвил!

Подполковник насупился, он не любил дурацких розыгрышей.

– Что вы говорите, капрал? Этот склад восемь лет отрезан от мира. В нем не может быть живых людей!

– А неживые? – Капрал суеверно перекрестился. – Он там есть, честне слово!

² Есть! Готово! (польск.)

³ Спички! (польск.)

– Дозвольте мне, – выдвинулся из оробевшей группы Велетень, всем своим видом показывая, что не боится привидений.

– Не надо! – упредил его Дитмар. – Я сам посмотрю.

Он подозревал, что поляки издеваются над ним – жалким ободренным представителем распавшегося царства. Дитмар отдавал себе отчет в том, что он и в самом деле жалок, нищ, убог, но насмехаться над собой не позволил бы никому.

Он вооружился киркой, брошенной кем-то из солдат, и влез в дыру. Дневной свет, сочившийся сквозь узкую прореху, не давал разглядеть почти ничего. Дитмар остановился, чтобы глаза привыкли к тьме.

– Стой! Кто идет? – донеслось из коридора.

Подполковник похолодел. Вне всякого сомнения, это был не розыгрыш. Перед ним кто-то стоял, преграждая путь в недра склада. Дитмар собрал всю свою волю и проговорил:

– Я – бывший офицер Осовецкого гарнизона подполковник Дитмар. Кто со мной разговаривает?

Ответ ошеломил:

– Р-рядовой строевого отделения Арсеньев. Я имею р-распоряжение не допускать в склад посторонних. Если вы – бывший, то на каком основании находитесь в крепости?

Подполковник приходил во все большее замешательство. Говоривший с ним мысли излагал ясно, голос звучал чуть с хрипотцой, как бывает при простуде или после долгого молчания. Дитмар отметил про себя абсолютную правильность речи, разве что начальные «р» были чуть раскатистее – так их произносят уроженцы южноевропейских стран, к примеру итальянцы или испанцы.

Подполковник сдвинулся назад, к отверстию, стараясь подманить собеседника поближе к источнику света. Общаться с расплывчатым пятном было не очень комфортно.

– Я именую себя бывшим по той причине, что гарнизона крепости Осовец давным-давно не существует, – пояснил он как можно мягче. – Или вы не осведомлены об этом?

– Не осведомлен. – Пятно качнулось. – А как же война... закончилась?

– Какой, по-вашему, сейчас год?

– Тысяча девятьсот двадцать третий, – без запинки ответил тот, кто назвался рядовым Арсеньевым.

– А когда, позвольте спросить, вы заступили на пост?

– Восемнадцатого августа тысяча девятьсот пятнадцатого.

– Вы хотите сказать, что пробыли в подземелье восемь лет?! Как в такое поверить, милейший?..

И все-таки приходилось верить. После подрыва складов подполковник лично проверил качество работы минеров и убедился, что входы замурованы наглухо. Не осталось ни единой лазейки, за исключением вентиляционных трубок, столь миниатюрных, что в них застряла бы и мышь. У часового, если его и впрямь забыли на складе, не имелось никаких возможностей покинуть свое узилище. Но как он сумел прожить здесь эти восемь лет?

– Вот что, – решил подполковник после непродолжительного молчания, – выйдемте-ка наружу. Вам нет смысла стоять здесь, война закончилась.

Пятно в конце коридора вновь зашевелилось, приблизилось. Дитмар смог различить очертания высокого, под два метра, человека в пехотной шинели, с винтовкой наперевес. И еще подполковнику почудилось, что на голову этого человека накинут черный балахон. По телу поползли мурашки, рассказы о призраках уже не казались такими нелепыми.

– Я не могу покинуть пост, – промолвила химера. – Меня может снять с него только мой непосредственный командир.

– А кто ваш командир?

– Капитан Свечников.

– Я имею сведения, что Михаил Степанович ныне проживает в Москве, служит при штабе РККА. Трудновато вам будет получить от него разрешение.

– Р...К... КА? – по слогам выговорило озадаченное видение и опустило винтовку. – Что это такое?

Набравшись терпения, подполковник прочел выходцу из прошлого краткую лекцию, в которой разъяснил, что уж и прежней России в помине нет, и земли под Осовцом отошли независимой Польше, и командиров-начальников погибшей крепости разнесло по свету. Рядовой Арсеньев стоял как громом пораженный.

– Кому же я теперь служу? – спросил он потерянно.

– Да выходит, что никому. Как и я... Меня-то вы хоть помните? Наверняка встречали при штабе.

Часовой сокрушенно помотал закутанной в балахон головой.

– Не помню, ваше высокоблагородие. Когда взорвали вход, я получил контузию... многое выпало из памяти.

– Ясно. Лучше бы про «высокоблагородие» забыли. Времена переменились, теперь за титулование и побить могут...

Дитмару все же удалось уговорить эту престранную личность покинуть подземелье. Рядовой Арсеньев вслед за подполковником вылез из своей темницы и в лучах заходящего солнца предстал пред очами изумленных поляков. На свету сделалось очевидным, что никакого балахона у него на голове нет – это отросшие за восемь лет черные как смоль волосы падали ниже пояса, закрывая половину фигуры, и не позволяли понять, стар часовой или молод.

Поляки от удивления зацокали языками, придвинулись ближе, но не вплотную. Явившийся из-под земли пугал их, понятное без перевода слово «дьявельство» прошелестело по рядам. Капрал Коварский тихо вытянул из кобуры револьвер. Косматый воин насторожился, как пес, почуявший дичь.

– Здесь не меньше дюжины человек, – сказал он громко. – Без винтовок, но с лопатами. – Он повернулся к капралу. – Оружие только у вас. Уберите его, я не люблю, когда в меня целят.

– Вы видите сквозь эту завесу? – поразился Дитмар и указал на копну волос.

– Нет. Она слишком густая, да и глаза у меня зажмурены. На складе был запас свечей, но он кончился четыре года назад, так что я отвык от освещения, боюсь ослепнуть.

– Как же вы определили, кто и что перед вами?

– На слух. Когда годами живешь в полной темноте, волей-неволей научишься слышать лучше, чем это делают обычные люди. Мне кажется, я теперь могу обходиться совсем без зрения. Угадываю очертания предметов и движения по звуку – как летучие мыши, знаете?

Дитмар отважился прикоснуться к лохмам собеседника. Они оказались пышными, ничуть не засаленными и пахли мылом. Сапоги рядового Арсеньева выглядели тщательно вычищенными, а шинель была свежа, словно он только сегодня утром заступил в караул. В таком же образцовом состоянии оказалась и трехлинейка, которую он сжимал в руке: ее ствол поблескивал, умащенный смазкой, а на замке и прочих металлических частях – ни пятнышка ржавчины.

– В консервах много масла, – тотчас отреагировал Арсеньев. – Я питался ими каждый день, а маслом смазывал винтовку. Не пропадать же добру. Грязь я терпеть не могу. По стенам коридора течет вода, она и для питья годится, а за неделю мне удавалось набрать лишних ведра три. Как р-раз на помывку. Что до обмундирования, то его хватило бы на целую р-роту.

– Чи zostалось там шось? – встрял в диалог Коварский. Оторопь, вызванная явлением забытого часового, прошла, и капрала волновала судьба хранившегося на складе имущества.

– Зосталось, – удостоверил из-под гривы Арсеньев. – Не такой уж я прожорливый.

– Это только один из складов, – успокоил поляков Дитмар. – Надеюсь, в остальных все цело.

Арсеньев отвел рукой волосы, и под черными прядями обнаружилось лицо, окаймленное бородой, которой позавидовал бы сказочный леший.

– Сколько вам лет? – полюбопытствовал Дитмар. – Сорок? Пятьдесят? Голос у вас молодой...

– Мне двадцать семь. Что, не верите?

– Я уже теперь и не знаю, во что верить, – честно признался подполковник.

Сутки спустя найденного доставили в Варшаву. К моменту, когда состоялся его допрос в кабинете полицейского следователя Кухарчика, он был уже гладко выбрит и аккуратно подстрижен. Жгучий брюнет, немного застенчивый, немного ошалевший от шумного мира, куда он вернулся после многолетней изоляции. Глаза его скрывали темные очки, которые он надел, чтобы постепенно привыкнуть к свету. Впрочем, ушлые газетчики, пронюхавшие о сенсационном найденныше, успели запечатлеть его в том самом виде, в каком он вышел из подземелья, и эти шокирующие портреты вкупе с заголовками «Гость из преисподней», «Погребенный заживо», «Осовецкий дикарь» гуляли по всем ведущим изданиям Европы. Но сам «дикарь» еще и знать ничего не знал о своей славе.

Кухарчик сидел, развалясь, за столом и лениво смотрел на допрашиваемого. Вся эта история виделась следователю кем-то придуманной комедией, в которой ему поручили разобратся. Поди разберись, когда единственный источник информации – сидящий перед тобой нелюдимый бирюк, у которого, наверное, от затворничества мозги набекрень съехали. Что с такого возьмешь?

Тем не менее долг есть долг. Надо попытаться выудить хоть что-то.

– Вы утверждаете, – начал Кухарчик брезгливо, – что после взрыва, которым был завален вход в подземный бункер, получили контузию и потеряли память? Но вы сообщили, как вас зовут, а также назвали фамилию вашего командира.

Кухарчик до войны пять лет учился в Новгороде, говорил по-русски безупречно и не считал нужным лицедействовать, тем более что сейчас от успешного взаимопонимания зависело, как скоро он окажется дома и отведаст вкуснейших кнедликов, приготовленных заботливой Зосей. Под ложечкой уже сосало, и желудок требовал свести время допроса к минимуму.

Русский, по-видимому, придерживался того же мнения. Он не стал распространяться, а взял и выложил перед следователем потрепанный блокнотик с надписью на обложке «Солдатская записная книжка». Кухарчик тоже служил в российской царской армии и знал, что таким нехитрым атрибутом снабжались все нижние чины. Он бегло пролистал книжку, бормоча отдельные строки:

– «Арсеньев Вадим Сергеевич... тысяча восемьсот девяносто шестого... православный... грамотный... из интеллигенции...» – Кухарчик поднял глаза. – Здесь сказано, что вы из Петрограда?

– Возможно, – пожал плечами Арсеньев. – Я не помню.

– И еще сказано, что вы прибыли в Осовец в феврале пятнадцатого года. То есть вас призывали не в начале войны, а через полгода? Или вы где-то служили раньше? Чем вы занимались до армии? Работали, учились?

– Не помню, – повторил Арсеньев расстроенно.

Нет, с головой у него все в порядке. Опытный Кухарчик даже по скупым репликам определил, что это не дикарь, не сумасшедший. И насчет принадлежности к интеллигенции книжка, похоже, не врала. Черты лица и поведение выдавали в рядовом особу благородного происхождения. Память? Да, память могла и пострадать. Кухарчик много слышал о контуженных, которые становились истинными младенцами, забывали даже, как ложку держать и пуговицы застегивать. Этому еще повезло...

– Значит, вы помните лишь то, что происходило после взрыва?

– Да. Все восемь лет, день за днем. Я вел календарь, поэтому знаю, сколько пробыл в подземелье.

– А выбраться оттуда вы не пробовали?

– Пробовал. Завал одному не разобрать, стены и потолок толстые и прочные. А у меня ни инструментов, ни взрывчатки...

Кухарчик заскучал. Видно же, что парень – не террорист, не диверсант. Зачем из него жилы тянуть? Сплавить с рук, и дело с концом. А то в ближайшие дни от репортеров отбоя не будет. Суету создают, работать мешают...

– Пан Арсеньев, вы бы желали остаться в Польше или вернуться в Россию?

На слове «Россия» сделал нажим – чтобы русский понял, что не больно-то он тут нужен.

– А Польша р-разве не Р-россия? – похлопал тот длинными ресницами. – Ах, да, простите... Вы же говорили, что все переменялось. – Он призадумался. – Что ж... тогда я хотел бы в Р-россию. Если меня там примут...

В тот же день советник полпредства РСФСР в Варшаве Леонид Оболенский был извещен о наличии субъекта, до революции проживавшего в Петрограде и желающего возвратиться на Родину. Оболенский изучил дело Арсеньева, немало подивился изложенным в полицейских протоколах обстоятельствам и нашел, что раз гражданин изъявляет желание вырваться из панской Польши в Страну Советов, то негоже чинить ему препятствия.

В конце лета Вадим Сергеевич Арсеньев в одном вагоне с красными дипкурьерами прибыл из Варшавы в Петроград.

А уже в сентябре знаменитый на весь мир академик, экс-генерал-майор медицинской службы Российской императорской армии, стоял возле телефонного аппарата и с присущей ему экспрессией кричал в трубку:

– Александр Васильевич, я вас умоляю: приезжайте немедленно! Да-да, ручаюсь, вы заинтересуетесь. Грандиозно! Я провел несколько экспериментов... это что-то необыкновенное!

Говоривший был не кем иным, как руководителем недавно созданного Института по изучению мозга и психической деятельности Владимиром Михайловичем Бехтеревым. Обласканный режимом Николая Второго, добившийся международного признания и престижнейших наград, какими только может быть отмечен врач-психиатр, он после октябрьского переворота нисколько не сожалел о низложенной власти. Подлинный рыцарь науки, он слабо разбирался в политике и в произошедшем сломе эпох увидел возможность расширить начатое дело. Сразу после революции он вытребовал у Наркомпроса под свой психоневрологический университет Мраморный дворец, принадлежавший ранее великому князю Константину Константиновичу, а затем обратился в Совнарком с просьбой об учреждении Института мозга. Просьба была удовлетворена, и Владимир Михайлович с наслаждением продолжил ученые изыскания, совершенно забыв о житейских бурях, бушевавших окрест.

В его заведение и был доставлен прибывший из Польши Вадим Арсеньев. Это произошло по инициативе самого Бехтерева, узнавшего из газет о феномене бессменного часового. «Осовецкого дикаря» прямо на перроне Витебского вокзала взяли под белые руки и препроводили сначала к академику, а после – в одну из лучших палат, где располагались обследуемые пациенты. Здесь, в просторном здании на Петроградской стороне, в дни, когда еще не оправившаяся от Гражданской войны страна залечивала раны и боролась с разрухой, ведущие умы силились раскрыть самые сокровенные тайны homo sapiens. И Арсеньев стал для этих умов бесценным подопытным.

В белом халате, накинутом поверх старорежимного генеральского мундира, с налипшими на лоб прядями и развевающейся бородой академик Бехтерев прошагал в больничный корпус. На сердце у него было легко, он предвкушал очередную беседу с «дикарем», которая

обещала преподнести немало сюрпризов, способных обогатить науку. Пребывая в отличном настроении, он здоровался с сотрудниками, раскланивался с симпатичными ассистентками и совсем не замечал красноречивых подмигиваний и предупредительных жестов.

Поэтому, отворив дверь палаты, академик на мгновение впал в ступор. Он увидел троих молодцев, окруживших больничную койку, на которой сидел, ничего не понимая, Вадим Арсеньев. Облаченные в кожаные тужурки, молодцы держали его под прицелами наганов.

– Что здесь происходит? – рявкнул Владимир Михайлович с порога. – Вы кто такие?

– Тихо, папаша, – просипел один из молодцев, чье горло пересекал кривой шрам. – Мы при исполнении.

– Я вам не папаша! – Дюжий академик, игнорируя наганы, направился к кожаным. – Кто вам позволил вламываться в институт?

Под нос ему сунули бумажку за подписью начальника Петроградского губотдела ГПУ Станислава Мессинга.

– Смекай, папаша... – по новой начал сиплый, но был прерван своим сослуживцем, немолдым и степенным:

– погоди, Евграф, не егози. – И далее уже Бехтереву: – Приказ у нас, гражданин академик. Доставить этого субчика в губотдел.

– Для чего?

– Я спрашивал, Владимир Михайлович, – подал голос понурившийся Арсеньев. – Не отвечают.

– Да нам и неведомо. Приказали – стало быть, есть за что... Вставай, голубь, некогда рассиживаться!

Вадим тяжело поднялся с койки, ему швырнули его одежду, и он принялся медленно стаскивать с себя больничную пижаму. Академик Бехтерев клокотал, подобно вулкану.

– Это черт знает что такое! Я буду жаловаться Дзержинскому...

– Да жалуйтесь куда угодно, хоть в Лигу Наций. Наше дело маленькое... Пошли, ребя!

И Арсеньева, застегивавшего на ходу пуговицы своей гимнастерки, вывели из палаты. Подталкивая наганами в спину, повели по коридору. Персонал института шарахался от идущих и старательно прятал глаза.

Бехтерев подбежал к окну палаты, увидел, как уникального пациента сажают в «Студебекер» и увозят прочь от клиники. Борода академика затряслась от возмущения и растопырилась, как веник.

– Я этого так не оставлю! Они не посмеют!

Владимир Михайлович, в свои шестьдесят шесть сохранивший энергичность, покинул палату, линкором пробороzdил ряды сгрудившихся в коридоре сотрудников и, не отвечая ни на чьи вопросы, заперся у себя в кабинете. Нервным движением сдернул с телефонного аппарата трубку, гаркнул в микрофон:

– Москву дайте! Четырнадцать-тридцать один... Александр Васильевич? Снова Бехтерев беспокоит. Александр Васильевич, у нас беда!

Но оставим маститого академика изливать в мембрану оскорбленные и расстроенные чувства и проследим за судьбой нашего главного персонажа.

Вадим предполагал, что его повезут в какое-нибудь питерское госучреждение, наводненное такими же грубыми нахалами в кожанках. Он не знал, что такое ГПУ, но несложно было догадаться, что сие есть аналог охраны, воспоминания о которой смутно брезжили где-то в закоулках его капризной памяти. Вадиму отчего-то мнилось, что он тоже имел отношение к правоохранительным органам. По крайней мере, манеры кожаных не вызывали у него такого почти физиологического отторжения, какое обычно возникает у сугубых интеллигентов, впервые столкнувшихся с жандармским произволом. Сидя в «Студебекере» и будучи зажатым меж

двух плечистых мордovorотов, он внимательно присматривался к ним, а заодно и к окружающей обстановке.

Петроград первых послевоенных лет был растрепан, несуразен и запоздало-задирист, как воробей после потасовки. Новая экономическая политика, придуманная Советским государством для того, чтобы вытащить страну из кризиса, пустила свои ростки, и они казусно переплелись с тем отмирающим, что осталось от старого режима и лихих лет военного коммунизма. На фоне замызганных щербатых улиц и облупившихся домов с выбоинами от пуль пестрели аляповатые вывески многочисленных ресторанов и кабаре. Несущиеся из увеселительных заведений мелодии дрянных куплетов заглушались звонкими голосами мальчишек, совавших прохожим серые газетные листки:

– Читайте свежий номер «Правды»! Землетрясение в Японии, четыре миллиона пострадавших! Италия захватила остров Корфу! Военный переворот в Испании, установлена диктатура генерала Риверы!

Вадим ловил обрывочные фразы, вбирал в себя новости. И еще – упивался светом, яркими живыми картинками, которых лишен был на протяжении стольких лет. С момента выхода из заточения в Осовце прошло уже около месяца, наблюдавший Вадима офтальмолог Ряшинцев позволил ему снять темные очки. Жидкое сентябрьское солнце в Петрограде ласкало взор, не обжигало, не доставляло неудобств, и Вадим смотрел по сторонам, жадно познавая новый для себя мир.

Вот продавцы папирос выкрикивают диковинные названия вперемежку с рекламными экспромтами:

– Покупайте «Делегатские»! У кого есть привычка, тот курит «Смычку», а у кого душа-цыганка, тому милей «Тачанка»!

А какую невероятную окрошку представляла собой уличная толпа! Рядом с суровыми военными шинелями мелькали прямые, с низкой талией, платья первых модниц эпохи нэпа. Их сбитые на лоб красные косынки и кружевные шляпки, из-под которых выглядывали короткие локоны, соседствовали с фуражками чекистов и грязными вихрами оборванцев-беспризорников. Простецкие рабочие блузы мешались с конусообразными костюмами-визитками, классическими смокингами, куртками из бобрика. Задрипанные парусиновые штаны в толчее терлись о брюки-галифе, а лощеные ботинки-«джимми» шлепали по тем же лужам, что и дамские резиновые ботики и расхлябанные солдатские сапоги с обвислыми голенищами.

Пахло ядреным табаком и дешевыми духами, гнилой картошкой и жареными рябчиками, выхлопными газами автомобилей и конским навозом.

– Натуральный Вавилон! – хохотнул сиплый Евграф, приметив, что творится с пленником. Помолчав, не сдержался, выказал интерес: – Это про тебя, что ли, писали – «Гость из преисподней»?

– Про меня.

– Взаправду восемь лет в подвалах просидел или брешут?

– Не брешут. Так и было.

– Что ж у буржуев не остался? Они б тебя по циркам показывали, денег бы загреб, зажил припеваючи...

– Не до цирков там сейчас, они сами после войны еле концы с концами сводят. Да и домой захотелось...

– Ишь ты! – Сиплый соорил вполне добродушную мину, полез в карман за кисетом. – Поди, все здесь чудным кажется, да? Питер уж не тот, что при империализме...

Не такие они и злые, эти крепыши в кожанках, подумал Вадим. Работа их озлобляет, заставляет с револьверами на ближних кидаться, а так – мужики мужиками, можно у них и сочувствие вызвать, и за жизнь потрепаться.

Начал с безобидного – в струю к тому, о чем рассуждал сиплый:

– Город мне сложно оценить, я же почти ничего не помню. Так, мутные образы всплывают... А вот почему у вас женщины такие?

– Какие?

– На мужчин похожи. Некрасиво же...

Тут все трое агентов в голос заржали – будто он несусветную чушь сморозил.

– Хо-хо! – прогудел Евграф и смачно высморкался в облепленную махрой тряпицу. – Ну ты и пельмень! У нас же эта... как ее, сатану... мансипация, во! Бабы в мешки рядятся, буфера бинтами перетягивают, только б за нашего брата сойти.

– А смысл?

– Равноправие им, видишь ли, подавай. Смысл... Да кто их ведает! Шилохвостки они и есть шилохвостки...

Переждав, пока подулается дружный гогот, Вадим ввернул то, ради чего затеял расспросы:

– Куда мы едем? Вроде как вокзал впереди... Меня что, депортируют из страны?

Кожаные посуровели. Евграф задымил вонючим самосадом, пропыхтел нехотя:

– Не полагается тебе знать... – Но все ж ответил, глянув искоса на соратников: – В Москву поедешь. Начальник тамошнего ГПУ товарищ Медведь тебя затребовал.

Внешность бывшего техника-строителя, а ныне главного стража столичного правопорядка Филиппа Демьяновича Медведя ничуть не соответствовала его фамилии. Сухопарый, с острыми чертами лица, бородкой клинышком и обширными залысинами, он производил впечатление самое мирное. Биография у него складывалась тоже не ахти какая героическая: до революции трудился себе в мастерских, а после Октября кочевал по разным коллегиям ЧК – от Тулы до Петрограда. Не чурался никакой должности, вплоть до самых неприглядных: заведовал концентрационными лагерями, руководил Отделом принудительных работ. За старание был поощряем и в конце концов вознесся по карьерной лестнице наверх, попав в начальники Московского губотдела ГПУ.

Товарищ Медведь фортуны не хулил, служебным ростом был доволен, надеясь, однако, что и нынешняя ступенька не окажется последней. Привыкший к переменам, он не любил засиживаться подолгу на одном месте, совершал телодвижения – чем динамичнее, тем лучше, – чтобы вышестоящие не забывали деятельного труженика и вовремя переставляли его, как шахматную пешку, с клетки на клетку – туда, вперед, к восьмой горизонтали. Ан нет, к восьмой стремятся белые, а мы – работяги-чернотропы, мы идем с противоположной стороны, от последних к первым. В ферзи Медведь не рвался, его устроила бы и роль лады. Тяжелая фигура, мощная, движется, как танк, сметает любые преграды.

Подобного рода аналогии ласкали воображение еще и потому, что слыл Филипп Демьянович недурным игроком – баловался шахматешками, выиграл парочку турниров среди любителей. Иногда в свободную минуту разыгрывал партийку сам с собой или решал какой-нибудь заковыристый этюд. Доска с «позицией дня» стояла у него на краю письменного стола. Опять же и психологический нюанс для допрашиваемых – пусть знают, что имеют дело с человеком мудрым, умеющим комбинировать и рассчитывать наперед.

Сейчас перед ним сидел как раз такой заключенный, к которому требовался особый подход.

– «Вадим Арсеньев», – прочел Филипп Демьянович с обложки досье, как будто впервые знакомился с делом (оно, конечно, было уже внимательнейшим образом изучено). Выведенным движением раскрыл папку и вынул из нее номер краковского «Иллюстрированного курьера», развернул на статье с портретом волосатого страшилища, иронически сличил. – Мда, неузнаваемы...

– Что поделаешь, пришлось постричься и побриться, – отозвался заключенный. – Понимаю, что так колоритнее, но нельзя же было появиться в приличном обществе огородным пугалом.

Филипп Демьянович отошел к окну и, скрестив руки за спиной, посмотрел на заросший желтеющими деревьями двор. Аристократический особняк на Большой Лубянке, в котором находилась Московская губернская чрезвычайная комиссия, не далее как год назад переименованная в Главное политическое управление, окружала ажурная ограда, а столбы ворот и вовсе походили на памятники – высокие колонны-постаменты, увенчанные не то вазами, не то амфорами... не очень Филипп Демьянович разбирался в архитектурно-скульптурных ухищрениях. Зато ухищрения человеческие были ему ох как знакомы.

Он волчком развернулся на каблуках и вперил в допрашиваемого свои могильно-черные зрачки.

– Вы думаете, я поверю всей этой белиберде? – прошипел по-змеиному, для пущей остроты, и смял газетный лист в скрипучий ком. – Восемь лет под землей... Не держите меня за идиота! Признавайтесь лучше, с какой целью вы заброшены сюда польской разведкой!

Такой поворот не стал для Вадима неожиданностью.

– Не слишком ли курьезная у меня легенда для р-разведчика? – парировал, стараясь сохранить хладнокровие. – Для внедрения в Советский Союз следовало придумать что-нибудь более правдоподобное.

– А если на этом и строился расчет ваших хозяев? Правдоподобные истории, как правило, банальны, мы таких раскусываем пачками. А тут – что-то нетривиальное, наделавшее шуму... Подумали, наверное, что не посмеем мы тронуть эдакую знаменитость. А мы посмели! Что на это скажете?

– Скажу, что черные начинают и ставят мат в пять ходов.

Филипп Демьянович оторопел. Он не сводил глаз с Арсеньева, а тот смотрел прямо на него, не отворачиваясь и не мигая. И когда успел прицелиться к доске, да еще позицию обмозговать?

– Вы играете в шахматы?

– Поигрываю... Первый ход – конем на аш-пять.

Филипп Демьянович склонился над доской.

– Но это абсурд! Я делаю рокировку и увожу короля в безопасное место. Вам угрожает вилка.

– Я жертвую одну за другой две фигуры, зато вскрываю вашу защиту...

В быстром темпе они обменялись несколькими ходами, и Филипп Демьянович уверился, что белый король зажат в углу и обречен.

Что особенно удивило – Арсеньев ни разу не посмотрел на доску, играл вслепую. Филипп Демьянович проверил, не висит ли перед ним зеркало или какой-нибудь блестящий предмет, в котором отражается стол. Но подследственный сидел, упершись глазами в древние ходики, без стекла на циферблате, с позеленевшим маятником, мерно отсчитывавшим секунды.

– Вы играете чертовски хорошо! И для вас это еще один минус.

– Почему?

– Не станете же вы убеждать меня, что тренировались в подземелье? В полной темноте и без партнеров.

– Мне нужно было чем-то занять мозг, чтобы не тронуться р-рассудком. Сначала увлекся вычислениями, научился быстро и без ошибок перемножать четырехзначные числа. Но это показалось мне однообразным, тогда я вылепил из р-размоченных сухарей шахматы и стал играть. Однажды мои шахматы съели крысы, и новые я делать поленился, стал р-разыгрывать партии мысленно... все р-равно к тому времени на складе уже не было света...

Филипп Демьянович сел за стол, сердито полистал папку.

– Вы жалуетесь на амнезию, и вместе с тем у вас феноменальная память!

– Это память иного свойства. Я склонен полагать, что моя голова нарочно впитывает все это, – Вадим небрежно махнул рукой в сторону шахматной доски, – чтобы заполнить пробелы, которые образовались после того, как я напрочь забыл свое прошлое.

– Ну хватит сказок! – оборвал его товарищ Медведь и нажал кнопку электрического звонка. – Я вас выслушал и вижу, что правду вы говорить не хотите. – Исподлобья зыркнул на вошедшего конвойного: – Увести!

Вадим безмолвно поднялся со стула и вышел. Конвойный, гремя сапожищами, последовал за ним.

Когда дверь закрылась, Филипп Демьянович подошел к ширме в дальнем углу кабинета и отдернул ее. За ней обнаружилась еще одна дверка, совсем небольшая. Она приотворилась, и из соседних служебных апартаментов шагнул человек с высоким лбом и колючими пронизательными глазами. Его лицо претендовало бы на привлекательность, если бы не жесткий излом губ.

Это был член коллегии ГПУ и по совместительству начальник Особого отдела Генрих Ягода.

– Все слышал? – спросил Филипп Демьянович.

– Дословно.

– И что скажешь?

– Хитер, шельма! В расход его... чего тут сопли жевать?

– А не перегнем ли палку? Опять же газеты о нем писали... – Филипп Демьянович тронул пальцем скомканный номер «Иллюстрированного курьера». – Что скажет мировая общественность?

Ягода засунул руки в карманы форменных брюк, покачался, переступая с носков на пятки.

– С каких это пор ты стал миндальничать, Филипп? Забыл, что в стране творится? Мы еще два месяца назад громили банды Пепеляева на Дальнем Востоке! На нас весь мир точит зубы: и англичане, и японцы, и поляки... Знаешь, сколько всякой шушеры они каждый день к нам забрасывают!

– Знаю, – вздохнул Филипп Демьянович. – Не надо со мной политинформацию проводить, сам ученый.

– Ну а коли знаешь, то и делай выводы. Что касается мировой общественности, то она про этот экспонат из кунсткамеры давным-давно забыла. Ее сейчас больше ультиматумы Керзона да речи Кулиджа волнуют. А вообще... он проходит по твоему отделу, так что я тебе не советчик.

Ягода удалился к себе в кабинет, оставив коллегу наедине с сомнениями.

Но сомневался Филипп Демьянович недолго. Прикинув так и эдак, он взял со стола ручку, макнул в чернильницу и поверх папки с делом Арсеньева размашисто начертил: «РАССТРЕЛЯТЬ».

Глава II, напомнившая осовецкому сидельцу о том, что судьба – суть качели

Несколькими метрами ниже кабинета товарища Медведя, в подвалах дома на Большой Лубянке, размещались камеры предварительного заключения. В одну такую камеру Вадима Арсеньева отвели после допроса и замкнули на все запоры, как узника необыкновенного и малопредсказуемого. Свет зажечь не удосужились, оставили в темноте, чему он был рад, так как это позволило отчасти погрузиться в привычную среду и забыть, где и в связи с чем он находится.

Постояв у двери, Вадим повертел головой, пошептал, словно средневековый маг, прислушался к расходящимся звукам и уверенно направился к нарам, которые были слева от него в трех аршинах с четвертью. Сел на жесткую поверхность, задумался.

Возвращение на историческую родину выходило каким-то анекдотичным. Наговорили ерунды, приняли за вражеского лазутчика, заперли в кутузку... А он и знать не знает, кто они – враги новой российской власти. За те дни, что он провел в институте академика Бехтерева, никто не взял на себя труд ввести его в курс относительно текущего положения в стране и за рубежом. Сообщили только, что все богатые либо изрублены саблями в капусту, либо разогнаны по Нью-Йоркам и Парижам. Земля роздана крестьянам, заводы и фабрики – рабочим, вследствие чего народ скинул наконец ненавистное ярмо капитализма, вздохнул свободно и чеканной поступью идет в светлое будущее.

Примерно такую картину Вадиму набросали обслуживающие его санитары, но и ему было ясно, что словеса их почерпнуты из газетных шапок и плакатов, которые (наблюдал из окна палаты) трепыхались под осенним ветром на стенах облезлых домов. Санитары – Господь с ними, набраны из дуболомов, но то же самое твердили и образованные ассистенты академика. То ли из осторожности прикидывались балбесами, то ли получили указание сверху не открывничать с пациентом, от которого еще неизвестно чего ожидать.

Заговаривал он и с Бехтеревым, тот дядька прямой, не стал бы тень на плетень наводить, но вот беда – Владимир Михайлович не интересовался политикой, существовал в своем облагороженном научном мирке и в беспокоивших Вадима вопросах разбирался хуже трехлетнего ребенка. А больше не к кому было обратиться. Оттого и глодала досада, что сам ощущал себя балбесом, безнадежно отставшим от жизни.

Покуда сидел и сокрушался, за дверью тесной клетушки возникло движение. Еще до того, как залязгали запоры, он уже знал: сюда идут. Двое, в кованых сапогах. С винтовками. Опять на допрос?

Зажмурился, чтобы свет не ожег глаза. Когда дверь открыли, плавно разлепил веки, увидел перед собой двоих красноармейцев в полном обмундировании. Высокий и низкий. За плечами «мосинки», на головах смешные шапки, что-то среднее между богатырским шлемом и ушанкой, видел такие у солдат на улицах.

– Подымайся, пошли! – скомандовали ему.

Поднялся, пошел, руки за спину. Те двое сопели сзади, направляли выкриками:

– Налево повертай. Теперь направо... Стой.

В глухом тупичке тот, что был повыше, открыл ключом перекрещенную стальными полосами дверь, потянул ее, она подалась с натужным скрежетом.

– Заходи!

Вадим вошел внутрь и сразу уразумел, для чего его сюда привели. Камера освещалась убогой угольной лампочкой, болтающейся под потолком. Истыканные пулями стены, засохшие бурые кляксы...

– Чего замер? Становись вон туды!

Вадим повернулся к палачам. Винтовки уже нацелились в него, пальцы лежали на спусковых крючках. В голове защелкало, как будто запустился невидимый метроном и с места в карьер сорвался с размеренного постукивания на бешеный галоп.

– Пойдите, граждане! – Вадим вскинул перед собой руки, точно щит выставил. – Дайте хоть р-разуться. Сапоги никому не нужны?

Двое обменялись взглядами из-под ушанок-богатырок. Синхронно кивнули.

– Сымай, пригодятся.

Вадим, прыгая на левой ноге, нарочито неспешно стащил с правой сапог, подал высокому. Тот накинул ремень винтовки на плечо, взял сапог, оглядел, обнюхал.

– Годный!

Вадим стащил второй сапог, но вместо того, чтобы протянуть вперед, внезапно запустил им в лампочку и сиганул вбок.

Лампочка разорвалась, как граната, окропила пол стеклянным сеевом. Грянул выстрел – туда, где только что стоял Вадим. И в тот же миг стрелявший получил удар кулаком в висок.

– ...твою мать!!

Конвойные dominoшными костяшками повалились один на другого. Вадим видел все это как при дневном освещении, хотя в камере установилась непроницаемая темень. Перепрыгнул через распростершиеся тела, саданул плечом в дверь и вырвался наружу.

Сзади неся мат-перемат. Пока остолопы, путаясь в полах шинелей, громоздились на ноги, Вадим уже захлопнул дверь и с хряском повернул в ней ключ дважды.

Побежал по коридору. Тот имел ответвления, пришлось вспоминать, каким путем вели от «родной» камеры, а перед тем – с этажей, где кабинеты. Подвал едва ли имеет выход на улицу, значит, нужно для начала прорваться наверх.

Едва добежал до ступенек, ведущих из подвала, как навстречу высыпали с револьверами полдесятка кожаных, преградили путь.

– Куда намылился, контра?!

Здесь бы и принять недавнему герою бесславную смерть, но откуда-то из-за спин кожаных выдвинулась пятерня, вся в якорных татуировках, всплеснула зажатым в ней желтым листком. Под низкими сводами поплыл густейший бас:

– Отставить, сучье отродье! – И уже непосредственно Вадиму: – Ты Арсеньев?

У того от треволнений язык отнялся, потому ответом послужил судорожный кивок.

– Ступай за мной! И сапоги ему дайте, ироды писюкастые. Негоже по холодному полу босым шлындать. Застудится еще...

– Да он же подрасстрельный! – вразнобой загалдели кожаные. – На него приказ есть, от Медведя. В распыл его... как врага трудового народа!

– Молчать, тля обкусанная! – закачался бас, как вязкая океанская волна. – У меня тоже бумага имеется. Вот! Выкатите зявки, воблы слепощарые...

Спаситель Вадима вышел из-за спин на видное место. Наружность его впечатляла: ширококостный, похожий на орангутанга гренадер в матросской тельняшке, расклешенных штанах и бескозырке с надписью «Необузданный». Мохнатые пучки бровей над стальными глазами, боцманские баки, усы вразлет – таких морских волков Вадим встречал разве что на страницах романов Стивенсона и Майн Рида. Еще и голосина архиерейский, и явная готовность заехать в рыло всякому, кто посмеет нарваться. Немудрено, что кожаные, поартачившись для форсу, присмирели.

– От кого бумага? – вякнул кто-то, самый храбрый. – От начальства твоего, от Браченко? Да кто он такой!

Сию же минуту татуированная лапа сгребла наглеца за шкварник и воздела кверху.

– Кто это хлебало разинул? Фильтруй хрюканину, тумба волосатая! Читать умеешь? Бумага от товарища Уншлихта, первого зама Феликса Эдмундовича... Еще вопросы есть?

Вопросы провалились в глотки, кожаные убрали наганы и сумрачно расступились. Гренадер в тельняшке встопорщил усы.

– То-то! Гребите в камыши, ушлепки залупоглазые... – Подошел к обмякшему Вадиму, пробасил уже совсем благодушно: – Идем, братишка. Больше тебя никто не тронет.

И вновь клейкая темь охватывала Вадима. Он тихонько пошуршал подушечками пальцев, и, как по волшебству, вылепились образы ближайших предметов. Вот прямо перед ним выставлен горбыль метровой ширины, утыканный семидюймовыми гвоздями. Вадим перепрыгнул через него и мягко, коlobком, кувырнулся вперед. Этот маневр был задуман заранее, потому как слева маячила длиннорукая фигура. Учутье ее было проще простого – от нее исходил кислый запах пота, а хрипучее дыхание оглушило бы и Квазимодо. Фигура метнула наугад длинный нож, он пролетел над Вадимом и брякнулся о стену.

Вадим вскочил, одним прыжком очутился возле длиннорукого и, пока тот сослепу молотил воздух, подсел под него, дернул на бедро и уложил на обе лопатки. Длиннорукий застонал, а Вадим уже бежал дальше. Звуков, заскакавших по залу, было достаточно, чтобы составить четкое представление обо всем интерьере. Вот натянутые параллельно полу бечевки. Лучше к ним не прикасаться. Вадим ювелирно прополз под нижней струной и апперкотом опрокинул навзничь стрелка, который бездумно поводил «браунингом», не зная, куда бабахнуть. «Браунинг» выпал и закружился, подобно юле. Вадим подхватил его, сунул в зубы поверженному противнику:

– Какой код? Говори!

– Раздели следующий год на вчерашнее число в квадрате, возьми первые четыре цифры, запятую отбрось...

Вот и конечная цель бега с препятствиями – бронированный сейф с кодовым замком. Вадим взялся за две рифленые рукоятки. Арифмометр в голове оперативно выдал решение несложной задачки: $1924: (16 \times 16) = 7,515625$. Вадим проворно выставил в окошечках семерку, пятерку, единицу и еще одну пятерку. Сейф зевнул дверцей и обнажил порожние полки.

Вспыхнули лампы, и зал ярко осветился. Человек в круглых очочках, с седеющими, зачесанными торчком волосами, застопорил механический секундомер, проговорил раздельно:

– Тридцать девять секунд. Вельми поразительно!

Двое коренастых сотрудников в неизменных кожанках кое-как приняли вертикальное положение. Один потирал ушибленный подбородок, второй – колено.

– Вы свободны, – бросил им очкарик. – Благодарствую за помощь, товарищи.

– И простите, если что не так, – извинился Вадим.

– Ничего, – проворчал длиннорукий, подбирая бутафорский кинжал. – Мы не в обиде, на то и служба...

Подставные вражины вышли, и Вадим остался с очкастым наедине. Знал уже, что перед ним – Александр Васильевич Барченко, оккультист, исследователь, виднейший специалист по метафизическим явлениям. Его считали личностью демонической, ненормальным, у которого шарики зашли за ролики. И вместе с тем мало кто отрицал наличие в нем талантов удивительной силы и редкого характера. Он был сродни Виктору Франкенштейну или доктору Калигари из популярного в начале двадцатых фильма. Одержимость потусторонним сочеталась в нем с глубокими научными познаниями, что придавало его выкладкам основательности и убедительности.

тельности. Именно вследствие этого судьба не привела его в желтый дом, а подняла высоко над уровнем простого смертного.

До революции он слушал лекции на медицинском факультете, всерьез занимался хиромантией, жил в Индии, где освоил ряд так называемых духовных практик, писал репортажи для журнала «Мир приключений» и издавал романы, посвященные эзотерике. Познакомившись со столь примечательным экземпляром, академик Бехтерев пригласил его на работу в свой институт. Вместе они проводили опыты, которые обещали открыть новые горизонты в психиатрии. Но Барченко испытывал тоску, занимаясь медициной в ее чистом виде. Его тянуло непознанное. Фортуна предоставила ему прекрасный шанс осуществить мечты: о его работах узнал могущественный Глеб Бокий, руководитель Специального отдела, подчинявшегося напрямую Центральному Комитету РКП(б). Вдохновленный идеями Барченко, Бокий сделал его своим заместителем по научным исследованиям и дал фактический карт-бланш – разрешил вести разработки по личному усмотрению и набирать собственный штат в пределах установленного лимита.

Таков был человек, стоящий сейчас посреди зала, где только что было устроено испытание. Глаза Барченко буквально ощупывали индивидуума, который явил способности, слишком выдающиеся для обывателя. Вадим внутренне ежился, словно с него сорвали одежду и водили по нагим телесам шершавой кистью. Возникло ощущение, что Барченко обладает X-зрением и видит своего визави насквозь.

– Я читал ваши показания. Вы пишете, что искусство ориентироваться в темноте, коим вы овладели за те восемь лет, что томились в затворе, складывается из многих факторов. Потрудитесь объяснить поподробнее, ибо сие зело прелюбопытственно.

Мать Александра Васильевича происходила из духовного сословия, поэтому он частенько вставлял в речь архаичные словечки, подчеркивая лишний раз свою эксцентричность и неординарность.

Под прицелом бликующих линз Вадим сбивчиво затараторил:

– Понимаете... я еще сам не до конца р-разобрался... Факторы – да, их много. Я слышу звуки, даже самые тихие. Плюс обоняние... плюс что-то мне дают мои глаза...

– Ноктолопия?

– Простите?..

– В народе именуется кошачьим зрением. Когда человек одинаково зрит как на дневном свете, так и в сумраке. При должном праксисе вполне можно развить, а у вас возможности для упражнений имелись неограниченные.

– Да... это точно...

– Ну а ловкость – откуда она? Движетесь аки пардус. Или каждый божий день у себя в заточении гимнастику по Мюллеру делали?

– Мне гимнастику крысы обеспечивали, – невесело улыбнулся Вадим. – У меня с этими тварями война шла не на жизнь, а на смерть. В противном случае они бы все имущество на складе сожрали и меня в придачу. Благодаря им, р-родимым, я так и наострился.

– Вы будете яхонтом в моей коллекции, – пробормотал Барченко и себя же поправил: – Нет, не яхонтом. Диамантом! Но есть одна закавыка... Бокс, борьба – где и от кого вы переняли сии навыки? Не в подземье же нашли преподавателя!

Вадим смутился, снова засбоил:

– Не знаю. Интуитивно постиг...

– Кулачное ремесло интуитивно не постигается, – сказал Барченко. – Мыслью я, что вы когда-то изучали сии приемы и они закрепились у вас на рефлекторном уровне.

– Р-рефлекторном? Я об этом не думал.

– Вот и изъясняетесь вы забавно. Вроде как по-русски, а вроде как с выговором иноземным... Не было ли у вас предков из Испании, к примеру?

– Не помню.

– Над памятью вашей мы поработаем. Но об этом позже. – Умолк и через миг опалил тремя словами, как инквизитор каплями расплавленного свинца: – Вы меня боитесь?

Но Вадим уже взял свой страх за шкуру, нервы перестали звенеть.

– Боялся. А потом подумал: после того как меня чуть не р-расстреляли, грешно чего-то бояться. Дальше стенки не поставят.

– Это вы верно умозаключили, батенька, – на манер земского доктора пропел главный советский мракобес. – Бытие ваше брэнное на волоске висело. И чтобы вам индульгенцию выписать, пришлось повозиться изрядно. А бояться меня не надо. На меня в политуправлении напраслину возводят: дескать, и жулик, и плут, и с нечистой силой якшаюсь... Не верьте. «Есть многое на свете, друг Горацио...» – и это многое мы на службу государству поставить обязаны. Так же как электричество, пар, радиоволны и прочие открытия, до коих человечество додуматься изволило.

– А я вам для чего? Не ученый, не изобретатель. Вообще не пойми кто...

– Во всяком разе, я вас не затем из застенков вызволил, чтобы потешиться и обратно в острог отправить. Более того, – Барченко приблизил свои блескучие глаза к физиономии Вадима, – вы на меня, друг мой, по гроб молиться должны. Я вам не токмо житие выпросил, но и должность при спецотделе.

– Должность? Мне?..

– Поелику человецы суть не ангелы эфемерные, им маммону свою насыщать потребно. То бишь жалованье вам не повредит.

Не стал Александр Васильевич растекаться по древу и обсказывать в деталях, каких усилий стоило ему уломать своего патрона Глеба Бокия пойти на такой рискованный шаг. «Александр Васильич, ты нас всех под цугундер подведешь, – мялся Бокий. – Знаешь ведь, что к кандидатам в сотрудники спецотдела – требования жесточайшие. Чтоб члены партии, чтоб пламенные борцы... и все такое прочее. А этот твой, откуда он взялся? Прибыл из враждебной Польши, происхождение туманное, прошлого не помнит...» – «И что? – горячился Барченко. – Это даже к лучшему, что не помнит. Проще будет перековать. Я за него всеми четырьмя вцеплюсь. Лабораторных кроликов у нас и так в достаче, а вот такие сотрудники – на вес золота. Он один десятерых твоих тупиц сто́ит! А прошлое я из него вытяну, будь спокоен...» – «Не под свою ли ты задумку его готовишь, Александр Васильич? Знаю я тебя, старого пройдоху!» – «Под свою, Глеб Иваныч, под свою... Так что – подпишешь?» Подписал, конечно. Уважал Бокий своего паранормального приятеля, во всем ему доверял.

Ничего этого новичку знать не следовало. Зачем ему нюансы и перипетии? Пусть радуется, что смерть стороной обошла, да еще и при деле оказался.

– Так что же, – сощурился Александр Васильевич, – принимаете вы мое предложение или как?

– А у меня есть выбор?

– Боюсь, что нет.

Так и сделался Вадим Арсеньев, отставной рядовой царской армии, погасшая звезда газетных публикаций, персоне без прошлого и почти без биографии, младшим сотрудником в особой группе тов. Барченко А. В.

Группу себе Александр Васильевич собрал невеликую, зато единственную в своем роде. Не группу, а паноптикум. Взять, к примеру, его ближайшую помощницу – Верейскую. Происходила она из знатного княжеского рода, но люто сочувствовала пролетариям и сразу после переворота в 17-м сменила имя Наталья, данное ей при крещении, на броское и актуальное – Баррикада. Так и значилась везде; Баррикада Аполлинарьевна Верейская. Ей уже перевалило за семьдесят, она ходила с тросточкой, но мыслила по-прежнему ясно. И виртуозно гадала

на картах, кофейной гуще, бобовых зернах, птичьих перьях, растопленном воске... всего не перечислить. Что удивительно, иной раз предсказания сбывались – это и послужило поводом пригласить ее на работу в особую группу. Впрочем, время спустя Вадим пришел к выводу, что Барченко ценит в Баррикаде Аполлинарьевне не столько оракула, сколько утонченную даму с изысканными манерами. Никакие революционные катаклизмы, никакое сочувствие к рабоче-крестьянским массам не смогли вытравить из нее воспитание, полученное благодаря целой своре учителей и гувернанток. Барченко сам принадлежал к недобитой интеллигенции и, будучи в глубине души совершенно аполитичным, уставал от общения с ярыми большевиками, из которых на 99 процентов состоял штат ГПУ. В минуты такой усталости беседы с княжной Верейской о поэтике Верлена и музыке Вагнера производили на него расслабляющий эффект.

Если Баррикада Аполлинарьевна была правой рукой Барченко, то левой, несомненно, являлся Вишванатан Аристидис. Вадим так и остался в неведении относительно его национальности: не то грек, не то индус, а вероятнее всего, гремучая смесь кровей – азиатских, европейских и еще невесть каких. Аристидис два десятка лет прожил в Гималаях, а потом стал странствовать по миру, зарабатывая на хлеб фокусами и трюкачеством. Он босиком прогуливался по тлеющим углям, протыкал себе ладони и предплечья иглами, его кусали ядовитые змеи, но это не причиняло ему ни малейшего вреда. Барченко, увидев уникала на балаганном представлении в Ярославле, зазвал его к себе в Москву, въедливо изучал и в конце концов признал, что имеет место не мошенничество, а редкая особенность организма. Аристидису были предложены оклад, паек, отдельная квартира, и он остался в Советском Союзе.

Наибольшее впечатление своим экзотическим обликом произвела на Вадима чернокожая красотка с жесткими курчавыми волосами, вывороченными губами и пышными грудями, каждая из которых тянула на астраханский арбуз. Ни дать ни взять арапка из какого-нибудь ангольского или суданского племени. Однако имя она носила исконно русское – Дарья, и фамилия в документах была прописана отнюдь не ангольская – Спиридонова. О себе девица (ей от силы можно было дать лет двадцать пять, не больше) повествовать не любила, поэтому Вадим не узнал, чем объясняется столь разительный диссонанс. Дарья владела так называемым кожным зрением – умела кончиками пальцев распознавать цвета, картинки, считывать тексты.

В обворожительную негритянку был влюблен еще один подчиненный Барченко – «резинный человек» из новгородских селян Пафнутий Поликарпов. Мужик от сохи, с бородой аля Григорий Распутин, он с легкостью высвобождался из любых оков, будь то допотопные колодки или современные металлические наручники-браслеты. Его опутывали цепями, связывали канатами, заточали в дубовые гробы – он ухитрялся выбраться отовсюду, за что Александр Васильевич величал его не иначе как Гудини. Это прозвище закрепилось за Пафнутием в качестве оперативного псевдонима.

Не обошлось в группе и без спецов по части медицины. Один – вечно угрюмый немец Готлиб Фризе – лечил бесконтактным методом, то есть водил руками над проблемным местом больного, и наступало улучшение. Фризе попал в Россию в 1916 году, воюя на Восточном фронте. Его взяли в плен брусиловские удалыцы, хотели повесить, но госпитальный фельдшер отстоял собрата по профессии, переправил с санитарным поездом в Москву, где коренной баварец прижился и служил теперь власти трудящихся.

Второй лекарь – камчадал Яакко с непроизносимой фамилией – в детстве попал в плен к японским агрессорам, оказался в батраках на островах Рюкю, бежал оттуда на самодельном тростниковом плоту. Полтора месяца его болтало по волнам Тихого океана, пока не прибило к берегам Филиппин. Яакко выжил чудом, его выходили местные целители-хилеры. От них же он перенял мастерство проведения хирургических операций без скальпеля и прочих инструментов. С Барченко судьба свела его в Индии, когда Яакко, насидевшись на Филиппинах, затосковал по родной земле и пустился в длинную и опасную дорогу к российским просторам. В Калькутте, куда он приплыл на грузовом пароходе, у него кончились деньги, заработанные

лечением матросов, и он совсем было приуныл. Чудаковатый русский метафизик, узнав его историю (чем не сюжет для приключенческого романа?), снабдил Яакко необходимыми средствами, и вскоре тот очутился в Москве. Там он провел несколько демонстрационных операций на глазах у приглашенных медицинских светил. Их мнения диаметрально разделились: одни считали, что Яакко действительно исцеляет больных, не вскрывая кожных покровов, другие называли его прохиндеем, использующим ловкость рук для одурачивания публики. Разоблачить его, однако, никому не удалось.

Вот из какого теста были люди, которых приблизил к себе и сделал государственными служащими Александр Васильевич. Нельзя не упомянуть еще об одном его подручном – Макаре Чубатюке, верзиле с наколками, вызволившем Вадима из лубянских подвалов. На первый взгляд за ним не водилось способностей, могущих поставить его в ряд со всеми, кто был перечислен выше. Но он обладал поистине нечеловеческой силищей: разгибал подковы, крушил ребром ладони кирпичи, разрывал пополам колоды карт и завязывал узлами железные прутья. В войну ходил на черноморском эсминце механиком, научился разным техническим премудростям и после революции освоил автомобиль, что позволило Барченко принять его в группу шофером, а заодно и охранником. В последнем своем амплуа Чубатюк с успехом заменял целый взвод. Макар отличался собачьей привязанностью к Александру Васильевичу, почитал его светочем мировой науки и в первый же день принялся с энтузиазмом внушать Вадиму:

– Силич – Спиноза! Ты за него держись, с ним не пропадешь. А ежели кто станет напраслину на него возводить, дерьмо гнать по трубам, бей в харю!

И правда – по мере более тесного знакомства с руководителем особой группы первоначальное впечатление, сложившееся у Вадима, начало меняться. Он понял, что «очковая кобра» и «инфернальный мистик» – это всего лишь личины, в которые Александр Васильевич рядится для пущей аффектации. Поддерживает реноме, так сказать. Вообще же ему не чужды были нормальные человеческие чувства, он проявлял искреннюю заботу о вверенных ему людях, стоял за них горой, прощал огрехи и вдохновлял на подвиги.

– Чего бы вам больше всего желалось, Вадим Сергеевич? – спросил он у новоиспеченного сотрудника, едва тот получил служебное удостоверение и комплект форменной одежды.

– Выяснить, кто я такой, – без обиняков признался Вадим. – Дискомфортно жить без прошлого.

– Наши с вами чаяния совпадают. Если я буду осведомлен о вашем происхождении, мне легче будет отстоять вас перед инстанциями, случись что...

– А что может случиться?

– Мало ли... К моей группе внимание самое пристальное. Уйма недоброжелателей, жаждущих меня прищучить. Они следят за каждым нашим действием, только и ждут, чтобы мы обмишулились. Любое ваше небрежение, и могут возникнуть неприятности. Начнут снова копать, наплетут с три короба... Дабы противостоять козням, мы должны иметь на руках подлинные факты... Вы меня понимаете?

– Понимаю, Александр Васильевич. Но как заставить мою память поделиться этими фактами?

– Заставим. Вам известно что-нибудь о гипнотических экспериментах Шарко, Бернгейма, Данилевского?..

– Впервые слышу.

– Гипноз – сиречь такое состояние сознания, когда индивида посредством внушения можно сфокусировать на решении какой-либо задачи. При этом отключаются блокирующие механизмы, и порой у испытуемого получается то, что по каким-либо психофизиологическим причинам не получалось раньше.

– То есть под гипнозом моя память может восстановиться?

– Об этом я и глаголю! – Барченко с жаром потер руки, предвкушая интересное. – Методиками гипноза занимается, в частности, мой друг Бехтерев. От него я кое-чему научился и вполне могу самостоятельно провести сеанс. Не возражаете?

Еще бы Вадим возражал! Он с готовностью сел в указанное ему мягкое кресло в кабинете с задернутыми гардинами. Барченко притушил электричество, оставив ночник в углу, после чего взял в руку нитку с подвешенным к ней бронзовым кругляшом и встал напротив кресла.

– Очи свои устремите сюда, – он показал на кругляш, – вежды не затворяйте и ни в коем случае не нагоняйте на себя дрему. Гипноз не есть сон. Смотрите, внимайте, и все произойдет само собой.

– Хорошо, – Вадим откинулся на спинку кресла, локти положил на подлокотники и прилеился взором к приспособлению, которое держал Барченко.

Кругляш стал медленно раскачиваться на нитке. По первости амплитуда была невелика, мала и скорость. Но с каждой секундой размах все увеличивался, движение убыстрялось. Барченко что-то говорил негромко и вкрадчиво, но смысл слов не достигал сознания Вадима – он весь был прикован к созерцанию импровизированного маятника.

А дальше пошли и вовсе чудеса. Вадим ощутил как бы прикосновение влажных бархатистых губ, которые сначала медленно, с ласковостью поднаторевшей в амурных делах любовницы, стали вцеловываться в его тело. Оно сделалось донельзя чувствительным, отзывалось на каждое прикосновение, млело и таяло от сладострастного наслаждения, а губы стали увеличиваться в размерах и уже не просто целовали, а засасывали в горячую бездну. Это не было противно, не причиняло боли, и он, зачарованный необычностью ситуации, не сопротивлялся, ждал, что будет.

Бездна поглотила его, он обнаружил себя в непроглядном мраке. Все его умения ориентироваться в темноте вдруг отказали, и он зацепенел, беспомощный, как новорожденный щенок. Подкатила волна испуга, однако она не успела захлестнуть – мрак разверзся, и Вадим выпал из него на озаренное лучистым солнцем пространство.

Он стоял возле крепостной казармы, облаченный по-военному, за спиной винтовка. Перед ним возвышался его командир – капитан Свечников, весь почерневший от порохового дыма и многосуточного недосыпа. Строения вокруг – растрескавшиеся, с обвалившимися углами и пробоинами в стенах – содрогались от снарядных разрывов.

– Арсеньев, заступите на склад номер первый, – сорванным голосом распорядился Свечников, – смените Орешина.

– Слушаюсь, господин капитан, – Вадим привычным жестом кинул ладонь к фуражке и направился к означенному складу.

Не прекращавшийся артобстрел не вызывал никаких эмоций – он уже вошел в жизнь, стал неотъемлемой частью солдатского быта. Иногда снаряды рвались совсем близко, Вадим приседал, а один раз распластался на рассохшейся земле, дав осколкам пролететь над спиной. Армейская выучка, доведенные до автоматизма действия, ничего особенного.

На складе он сменил своего соказарменника Орешина, встал вместо него за поворотом коридора. Отсюда просматривались ходы в основные складские отсеки. Свет падал внутрь через распахнутую входную дверь; проникая глубже, он серел, но его хватало, чтобы разглядеть весь коридор. Хотя зачем было разглядывать? Вадим знал, что в глубине склада никого нет. Если бы явился с проверкой кто-то из интендантских контролеров, то Орешин предупредил бы сменщика. Так заведено.

Вадим прохаживался по коридорам, заглядывал в помещения, где лежали тюки с обмундированием и стояли коробки с консервами и сухарями. Молва о том, что со дня на день Осовец будет оставлен, уже облетела гарнизон, и каждый гадал, каким окажется отступление: беспорядочным и паническим или организованным и продуманным. И что станет с имуществом, которого в крепости немало. К примеру, склады. Половина из них заполнена под

завязку, готовились к длительной обороне. За неделю все не вывезешь, тем более при отсутствии бесперебойного транспортного сообщения.

Доля часового – скучать, оттого и лезут в голову разные мысли. Но задаваться риторическими вопросами – что воду в ступе толочь. Вадим встряхнулся и тут услышал в одном из помещений слабый шорох. Крысы. Их здесь пруд пруди. Дай им волю, слопают все, что подвернется.

Вадим подался в ту сторону, откуда шуршало. Винтовку снял с плеча, перехватил за ствол, чтобы при возможности шарахнуть зловредного гаденыша прикладом. Протиснулся между тюками, свет здесь был совсем чахлый, черта с два кого-нибудь разглядишь.

В коридоре скрипнуло. Вадим моментально прекратил охоту на грызунов и задом попятился обратно. Проклятые тюки мешали развернуться, вдобавок винтовка зацепилась за мешковину. Чертыхнулся, принялся тянуть и дергать оружие, но окаянный тюк не пускал. А скрип тем временем приближался. Кто-то шел по коридору, крадучись, не так, как ходят проверяющие. Вадима, как и всех гарнизонных, наставляли: будьте бдительны, немцы, изведаясь от бесплодных лобовых атак, могут пойти на любые выверты – заслать, допустим, вредителя, который возьмет да и подложит бомбу под стратегически важный объект. А кто виноват? Нерадивый часовой.

Еще рывок – и винтовку удалось высвободить. Вадим вздохнул с облегчением, выпятился из завалов и собирался с грозным окриком шагнуть в коридор, но из-за двери высунулась рука с длинным предметом, похожим на дубину, и огрела его по макушке. Перед глазами все закрутилось, как в водовороте, Вадим осел на туго набитые тюки, выпустил трехлинейку. Привалился к холщовому брюху и ухнул снова в дьявольскую утробу, где, хоть глаз выколи, все равно ни шиша не разглядишь. Побарахтался в ней, а потом те же бархатистые губы высосали его из небытия. Дернулся, закричал – и пелена спала. Узрел очкастого толстячка, который с озадаченным видом наматывал нитку на бронзовый кругляш.

– Очнулись? Как самочувствие?

Вадима бил озноб, голова трещала, точно по ней и впрямь дубиной гвозданаули. В остальном же ничего, терпимо.

– Я вид-дел креп-пость, – произнес, заикаясь от пережитого, – и себя в н-ней. Могу р-рассказать...

– Излишне. Вы уже все рассказали.

– Я? Когда?

– Только что. Пока вы изволили находиться под гипнозом, я вас вопрошал, а вы мне все как на духу... Могучая штука – внушение!

– Значит, работало?

– Работало. Теперь вам следует отдохнуть. Гипнотические сеансы зело утомительны, жизненные соки из организма вытягивают. Посему злоупотреблять не следует.

– Но я ни в чем не успел р-разобраться! – Вадим вскочил с кресла, однако неимоверная тяжесть в ногах не позволила удержаться стоя, опрокинула назад, на сиденье. – Понял только, что контузия у меня не от взрыва. Меня ударили по голове. Но кто и с какой целью?

Барченко бросил кругляш с ниткой на стол, вынул из напольного шкафчика початую бутылку красного вина, наполнил граненый стакан.

– Пейте, – протянул стакан Вадиму. – Это французское, знакомый литератор привез. Оно вас укрепит...

– Спасибо. – Вадим отпил глоток, терпкий пахучий нектар потек по языку в гортань. – Как говорят во Франции: мерси.

– Знаете французский? – сделал стойку Александр Васильевич.

– Может, и знал... У меня после вашего сеанса будто проблески появились, но бессистемные, не получается их воедино собрать.

– Сеансы мы продолжим. Мне много чего из ваших извилин выпростать нужно. Тут прямо детективная история нарисовывается. Конан Дойль с Лебланом! – Барченко взялся перечислять, загибая по очереди короткие пальцы: – Почему тот, кто попотчевал вас палицей, не нанес вам смертельного удара, а оставил лежать как есть? Почему довольствовался тем, что вас погребли заживо? Имел ли он какие-либо претензии к вам лично или ставил своей целью похитить что-то со склада?

– Вещи на складе остались нетронутыми, – перебил начальника Вадим. – Я нашел подробную опись, а времени, чтобы произвести р-ревизию, у меня было предостаточно.

– Вы производили ревизию?

– И то р-развлечение... К тому же мне хотелось вести строгий учет всему продовольствию, которое я съел, сожженным свечам, изношенной одежде... Думал, что буду делать, если мне впоследствии за все это предъявят счет. – Он допил вино и подрагивающей рукой возвратил стакан Барченко.

– Если преступника... будем именовать его так, поелику он едва смертоубийство не сотворил... не интересовал склад, значит, его интересовали вы. Тогда вопросов еще больше. И, кстати, вы сказали, что капитан вам не тыкал, обращался хоть и в приказном тоне, но уважительно?

– Да...

– И вы его «благородием» не величали?

– Не величал. Что же из этого проистекает?

Вадим, общаясь с Барченко, невольно заражался его церковнославянским наречием.

– А то, что сословия вы не пролетарского и тем паче не крестьянского. Я дворянина за версту узнаю. – Александр Васильевич перешел на полупшепот. – Сдается мне, голубая кровь в вас течет, любезный Вадим Сергеевич...

– Как же я р-рядовым на войну попал?

– Всякое случается. За провинность разжаловали или еще чего... Возможно, по политической части. На это я и уповаю. Если откроется, что вы свободомыслием изволили баловаться, будет у вас отменный джокер против наших приверед.

Говорил Александр Васильевич не без сарказма, но вроде как и всерьез.

– Так давайте еще в моих мозгах покопаемся! – взмолился Вадим. – Я хочу правду узнать.

– Покопаемся, – заверил Барченко. – Но не сейчас. Неделю перерыва сделаем, а после проведем повторный сеанс. Если...

– Если что?

– Если раньше кой-чего не произойдет...

Глава III, **в которой Вадим Арсеньев в числе прочих сотрудников** **особой группы *пускается в рискованное путешествие***

В первые дни после зачисления Вадима в штат Спецотдела ГПУ Барченко не загружал новичка работой, давал ему возможность освоиться в новой атмосфере. Для Вадима это было тем более непросто, что за восемь томительных лет он отвык от людей – с одной стороны, изголодался по общению, а с другой – испытывал определенную антропофобию, каковую, вероятно, чувствовал и Робинзон после изоляции на своем острове.

Чтобы ускорить процесс адаптации, он не спешил после работы на выделенную ему жилплощадь в коммунальной квартире на Нагатинской (комнатка в двадцать квадратных аршин, как положено по закону), а задерживался на работе или шел с кем-то из коллег гулять по Москве. Часто его собеседником и проводником становился Макар Чубатюк, с которым у Вадима завязались дружеские отношения. Макар взял новенького под свою опеку, чтобы ввести его в постреволюционную действительность и разъяснить текущий момент.

– Ты, Вадюха, не смотри, что у нас нэпман жирует, мы его скоро к ногтю прижмем, глисту компостную, – с коммунистической непосредственностью рубил матрос-механик. – Читал Маяковского? «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда до Аляски!»

– Это р-разве про нэпманов написано? – замечал Вадим, успевший проштудировать в читальне сборники главного пролетарского поэта.

– Про них тоже. Мы, братишка, всю нечисть из страны выметем подчистую, дай срок! Пойдут они у нас в Нерчинск ежеиков пасти. И наступит такая благодать, что ангелов в раю затошнит...

Справедливости ради следует сказать, что угар новой экономической политики не всегда вызывал у Чубатюка праведную ненависть. Любил Макар на досуге гульнуть в ресторанах, которых в Москве развелось, что пивных в Германии. Исполнив служебные поручения и загнав машину в гараж, он шел домой, в общежитие-коммуну, доставал из рундука местами вытертый фрак (не иначе реквизированный в революционной горячке у какого-нибудь буржуя), напяливал его на свои широченные плечи и заваливался в «Хромого Джо», или в «Сверчка на печи», или в другое подобное заведение. Его особенным обожанием пользовался ресторан на площади Свердлова. Здесь, в роскошном купеческом особняке, еще в прошлом веке стараниями приказчика Тестова открылся трактир, который весьма скоро приобрел популярность у заезжих помещиков, а затем и у особ более высокого полета. Если верить Гиляровскому, петербургская знать во главе с великими князьями специально приезжала из Петербурга отведать фирменного молочного поросенка, жаренного на огне, раковый суп с расстегаями и гурьевскую кашу. У Тестова сживали Достоевский и Шалапин, Рахманинов и Чехов.

В начале нового века трактир торжественно переименовали в ресторан и подвергли кардинальной реконструкции. Как писал тот же дядя Гиляй, переделали даже стены. В зеркальном окне вестибюля красовалась декадентская картина, а в большом столовом зале появилась модернистская мебель. Это отвратило от заведения купцов-ретроградов, зато привлекло представителей зародившегося бунтарского поколения. Закрытый в 17-м ресторан возродился еще до окончания Гражданской. Сюда-то и предпочитал заходить расфранченный Чубатюк, ценивший русскую кухню выше всяких там французских и итальянских.

Вадим иногда присоединялся к нему, пил старку, жевал пороссячью ногу, слушал в исполнении размалеванных певичек «Бублички» и «Лимончики», но не чувствовал себя в этом гнезде великорусского разгула так же уютно, как Макар, то и дело щипавший официанток

пониже поясницы, с оглушительным треском хлопавший в ладоши и басивший во всю мощь своих богатырских легких:

– В жопу «Лимончики», «Марсельезу» вжарьте!

Еще одним его пристрастием был кинематограф. У Чубатюка действовало выверенное расписание: по будням он ходил в «Гранд-плезир» и «Великан», а по праздникам – исключительно в «Художественный» на Арбатской площади. Этот старейший в столице кинотеатр сам по себе считался произведением искусства: фасад в стиле античной классики, мраморные колонны, ажурные люстры в фойе, зрительный зал, оборудованный на манер театрального – с партером, балконами и ложами. Смотрел Макар все подряд: американского «Всадника без головы», французское «Эльдорадо», турецкую «Огненную рубашку», отечественных «Красных дьяволят». Смеялся над Чарли Чаплином в «Малыше», покрывался испариной при виде Макса Шрека в фильме ужасов «Носферату» и облизывался, глядя на Мэри Пикфорд в «Двух претендентах».

Кинематографические походы пришлись Вадиму по душе, он охотно сопровождал Макара, но по прошествии полутора недель утомился. Наскучило мелькание бессловесных теней под пошловатые наигрыши тапера. Да и не обогащало это ни душу, ни ум. Наивные мелодрамки, тупые комедии, бессмысленные боевики... Вадим горел желанием узнать побольше не о выдуманной, а о реальной жизни, поэтому все чаще стал отказываться от Макаровых приглашений и просиживал вечера в библиотеках, листал подшивки газет и журналов, обогащался актуальными сведениями и постепенно принаравливался к существованию в обновленной России.

Так продолжалось до конца сентября, но однажды, после окончания рабочего дня, который Вадим провел за сортировкой старых бумаг, скопившихся в сейфах, Барченко сделал таинственное лицо и вполголоса промолвил:

– Попрошу вас, Вадим Сергеевич, сегодня задержаться. Хочу вам кое-что показать.

Заинтригованный Вадим последовал за ним в компактный зальчик, расположенный, как и другие кабинеты особой группы, не в гэгэушном комплексе на Лубянке, а в здании Главнауки. Александр Васильевич хоть и состоял в чекистском ведомстве, но использовал любую возможность подчеркнуть, что он – не филер со шпалером, а вольный мыслитель. Оттого и перебрался поближе к ученым мужам. Здесь ему было удобнее во всех отношениях: не роились перед глазами кожаные, волокшие арестантов со скрученными руками, почти не слышалось матюгов, зато в его распоряжении находились справочные фонды, лаборатории и демонстрационная с киноустановкой.

– Вы тоже увлекаетесь синема? – спросил Вадим, войдя в зал с рядами жестких стульев и белым полотном на стене.

– Увлекаюсь, – не счел нужным отрицать Барченко, – однако мой интерес сугубо практический. И фильмы я смотрю не того дрянного сорта, на какие таскает вас наш милейший Макар Пантелеевич...

– А какие же?

– Документальные. В моем собрании много диковинок. Одну из них мы с вами сейчас и поглядим.

С этими словами Александр Васильевич дал отмашку киномеханику, тот погасил лампы в зальчике, застрекотал аппарат, и на белом полотне появилось нечеткое изображение. На фоне заснеженных сопот темнела подо льдом гладь какого-то озера. Солнце отсутствовало, вся картинка была окрашена в тяжелые сумеречные тона, какие бывают в пасмурный зимний день.

– Это Север, – прокомментировал Барченко, севший рядом с Вадимом в первом ряду. – Кольский полуостров. Съемка сделана три года назад, в ходе экспедиции профессора Ферсмана.

– Я читал о ней на днях в геологическом журнале. Пишут, что Ферсман нашел в тундрах залежи полезных ископаемых.

– Sic. Но имеется один аспект, который не стали предавать огласке. Он никем пока не объяснен, и есть основания полагать, что это как раз по нашему ведомству... Смотрите!

В кадре возник мужчина в толстом кожаном меховом пальто и меховой шапке. Он шагнул по берегу озера, проваливаясь до бедер в рыхлый снег. Оборачиваясь, перебрасывался фразами с оператором, но Вадим и Барченко слышали только тарыхтение киноустановки.

– Снимает старший архивист Минералогического музея Академии наук Болдырев, – продолжил пояснения Александр Васильевич, – его Ферсман взял с собой в ту поездку. А видим мы еще одного участника экспедиции – техник Паршина. Они вышли к берегу Сейд-озера, есть такое в центре полуострова... Будьте внимательны, сейчас начнется!

Камера, покачиваясь, двигалась вдоль береговой кромки, следом за мужчиной в меховом пальто. Тот шел неторопливо, пока не увидел черные точки неподалеку от озера, ближе к сопкам. Он свернул, промял ногами тропу, остановился. Камера следовала за ним, но он, обернувшись, тормознул оператора взмахом руки. Жест, понятный без слов – снежные наносы были настолько глубоки, что техник Паршин провалился почти по грудь. Оператор снимал издали, но навел фокус так, что стали видны черные валуны, выглядывавшие из-под сугробов. К ним и подошел техник. Рукой в рукавице счистил с передней грани ближайшего валуна слой пушистых снежинок и открыл взорам зрителей прорисованные чем-то петроглифы. К сожалению, разобрать их с экрана не представлялось возможным – качество съемки оставляло желать лучшего.

Последовал короткий спор между Паршиным и Болдыревым, имевший неожиданную развязку. Паршина словно бы дернуло током, он отшатнулся от валуна, его облупленные морозом губы искривились в людоедской гримасе, и он, переваливаясь, пошел прямо на камеру. Болдырев начал отступать, камеру повело, изображение Паршина съехало вбок.

– Что происходит? – спросил Вадим, которого внезапно обезумевший человек из любительского ролика поразил куда сильнее, чем профессиональный кривляка Шрек.

– В том-то и ребус... – проговорил задумчиво Барченко. – Глядите, что будет дальше.

Паршин убыстрил ход, наткнулся на что-то, сокрытое в снегу, погрузил в белое месиво руки по самые плечи и выволок оттуда булыжник весом никак не меньше трех пудов. Выволок играючи – как поднимают с земли упавший мячик. И так же играючи запустил им в оператора. Камера взлетела, перевернулась в воздухе, выхватила из окружающего ландшафта крутую сопку и кусок молочно-бледного неба и упала, зарывшись в снег. Изображение на экране погасло, в зальчике снова вспыхнули лампы.

– Аминь, – резюмировал Барченко.

– Он его убил?

– Паршин Болдырева? К счастью, нет. Провидение окормило... Плечевую кость раздробил, больше ничего. Понабежали все, кто был рядом, Паршина скрутили. Ферсман рассказывал мне, что проще было бы с разъяренным вепрем справиться.

– По виду Паршин – заурядной комплекции, не атлет. Не представляю, как он сумел такой вес поднять, еще и бросить! И что за умопомрачение с ним приключилось?

– То-то и оно, Вадим Сергеевич! – прищелкнул пальцами Барченко. – Умопомрачение накатило, а потом и отошло. Думали, что он главою скорбен, отвезли в Питер. Он всю дорогу горячими слезами заливался, молил развязать, божился, что ничего не помнит... прямо как вы.

– Но я ни на кого не кидаюсь!

– Это я так, для сравнения. Кидаться он перестал уже через минуту после первой вспышки. И сила небывалая пропала. Сделался собой прежним. Свезли его к академику Бехтереву, тот полгода его изучал, психических отклонений не выявил. Вот так...

– Вы от Бехтерева эту историю узнали?

– От него. Сразу скумекал, что за нее ухватиться можно. Пленку с записью мы изъяли, а со всех, кто в экспедицию ездил, обет молчания требовали. То бишь подписку о неразглашении.

– За что же ухватиться, Александр Васильевич? – недоумевал Вадим.

– А разве для вас в порядке вещей, когда человек ни с того ни с сего впадает в буйство и совершает кунштюки, на какие прежде не способен был? А?

– Нет, конечно. Какой тут порядок... – Вадим смолк.

– О чем закручинились, Вадим Сергеевич? Не согласны со мной?

– Согласен... А можно пленку чуть-чуть назад отмотать и запустить еще р-разок?

Барченко сделал знак киномеханику, и на экране вновь прорисовался белый пейзаж. Опять задержалась перекошенная физия техника Паршина, взблеснуло небо...

– Стоп! – закричал Вадим. – Остановите!

Картинка омертвела. Посреди полотна столбенела верхушка сопки со взвихрившимся от ветра белым пухом.

– Нет, не здесь... Немного назад, самую малость!

Кадры пошли в обратной последовательности. Когда в поле зрения выполз покаты́й бок сопки, Вадим воскликнул:

– Вот оно!

– Что вы там узрели? – полюбопытствовал Браченко. – Рисунок? Да, я тоже его приметил. Палеолитический период, не иначе.

Сквозь северную зимнюю хмарь и муть некачественной пленки можно было разглядеть вычерченную на горе фигуру человекоподобного существа с воздетыми руками. Портрет смотрелся натуралистично, хоть и сделан был, как сказал Александр Васильевич, первобытным художником.

– По скудоумию своему определить точное назначение сего Голиафа не берусь. Равно как и разрисованных камней, подле коих с господином... пардон, с товарищем Паршиным произошло прискорбное злоключение. Одначе смею выдвинуть гипотезу, что на береге Сейдозера в доисторические годы обитали древние охотники и рыболовы. Там и пещеры имеются, мне Ферсман поведал... А наскальная живопись имела ритуальное значение. А чего это вы так вскинулись?

– Я видел этот силуэт... и сопку ту видел! – в ажитации Вадим едва проговаривал слова. – Я был там!

– На Сейде? – Барченко приподнял очки и воззрился на Вадима близорукими глазами, как будто такой способ давал лучший результат. – То есть вы все вспомнили?

– Если б!.. Ни черта я не вспомнил, но то, что я был в тех местах, за это р-ручаюсь.

Барченко обернулся к будке киномеханика.

– Вынимай пленку, Жора, сеанс окончен... – Со старческим кряхтеньем восстал с шаткого креслица. – Идемте, Вадим Сергеевич, dokonчим наше толковище у меня в кабинете.

Кабинет Александра Васильевича заслуживает отдельного описания. Такую эклектику невозможно создать, даже если без разбора натащить в комнату все, что попадется. На стенах в невообразимой последовательности висели старорусские иконы, полинезийские маски, подлинники картин Малевича и Рериха, химические таблицы и японские гобелены с журавлями. На столиках с резными ножками высились китайские вазы из тончайшего фарфора, над которыми непрестанно курилось что-то ароматическое, стояли устрашающего вида статуэтки и внавалку лежали гадальные карты. Значительную часть стен занимали книжные полки, уставленные рядами томов всех мастей. Одни из них выглядели новыми, только что сошедшими с типографского станка, другие разбухли от старости, на двух или трех инкунабулах стояли клейма Гутенберга. Отдельный герметический ящик отводился под свитки – эти были еще

древнее книг, испещрены тарабарскими закорючками, так же мало похожими на литеры, как кресало кроманьонца на бензиновую зажигалку.

Над всем витал дух старины и мистерии. Музей редкостей? Антикварная лавка? Капище идолопоклонника? Вадим затруднился бы подобрать точное определение этой келье, если бы не знал ее истинное назначение.

– Присаживайтесь, – пригласил Барченко и первым опустился на сафьяновый диванчик, что стоял у зашторенного окна.

Вадим сел. Барченко закурил свою любимую пенковую трубку, по кабинету поплыли сизые облака табачного дыма.

– А я ведь подозревал, Вадим Сергеевич, что вы бывали на Крайнем Севере. Потому и пригласил вас на этот просмотр.

– Подозревали? На каком основании?

– Амулетик ваш подсказал. – Александр Васильевич показал коричневым ногтем на шелковый шнурок, который выглядывал из-за отворота сатиновой рубахи, выданной Вадиму на новой работе вместе с комплектом прочего нательного белья. – Презанятная штукенция, доложу я вам. Православные на шее крестик носят, большевики ничего, а вы – эвона какой оберег. Языческий.

Вадим вытянул из-под рубахи слюдяную пластинку, вставленную в овал из желтой кости. Слюда в размытых отблесках свечей, горевших в высоких шандалах по углам кабинета, переливалась всеми цветами радуги, а на обороте костяного овала зоркий глаз разобрал бы процарапанные острым тонким орудием письма наподобие скандинавских рун.

– Кость оленья, – определил Барченко, – а слюда такая встречается за Полярным кругом. И руны близки к норвежским. Боюсь попасть впросак, но по отдельным знакомым мне начертаниям могу сказать, что это заговор от бед и напастей. Откуда у вас этот раритет?

Вадим затруднился с ответом. Сколько он помнил, амулет всегда находился при нем – и в годы подземного заключения, и, естественно, в последующие недели. Барченко увидел этот предмет, когда заглянул на медосмотр, который Вадим проходил перед трудоустройством в особую группу. Увидел, но комментарии придержал до настоящего момента.

– Не помните? – Александр Васильевич пыхнул трубкой. – Я так и знал. Жалко... Работа ручная, талисман не в магазине куплен. Возможно, это ниточка к вашему прошлому, но сейчас ее бесполезно тянуть – конца не видно. – Он повертелся, чтобы удобнее устроиться на продавленном диване, из чего Вадим заключил, что самая важная часть беседы еще впереди. – Ладно, спрячьте вашу ладанку – авось она свою роль еще сыграет... А теперь давайте обсудим то, что мы с вами зрели на пленке. Наличествует у вас какое-нибудь мнение?

– Не думаю, что я компетентен, – заговорил Вадим, гадая, куда клонит высокомудрый курильщик. – Случай кратковременного помешательства или что-то в этом духе. По-другому не истолковать.

– Повторюсь: Бехтерев и его подручные не обнаружили у бедолаги никаких признаков полоумия, а они на этом собаку съели. И опять же – откуда силушка былинная? Это к симптомам душевной болезни не припишешь.

– Мне вчера попала старая подшивка «Неврологического вестника», там была статья о проявлениях необычайной силы у некоторых безумцев...

– Нет, нет! – не дал договорить Александр Васильевич и замахал вынутой из рта трубкой, от которой зазмеился длинный духовитый шлейф. – Разве вы не видите, что это совсем другое?

– Что же это? – спросил Вадим. – Вы-то сами знаете ответ?

– По крайней мере, догадываюсь... Подайте-ка мне вон ту книжицу с третьей полки. Нет, не эту... ту, что рядом, в деревянном переплете.

Вадим снял с полки тяжеленную глыбу, заключенную вместо обложки в отполированные тысячью рук дощечки. На передней крышке было вырезано заглавие: «Записки думного дьяка Алая Михалкова, присовокупленные к писцовой книге о Кольских луках».

– Дайте сюда. – Александр Васильевич взял у Вадима книгу, благоговейно раскрыл ее на середине, перевернул пяток страниц. – Продувная бестия был этот Алай Михалков... Направили его в начале семнадцатого века вместе с подьячим Мартемьяновым в Кольский уезд, тяг-
лое население переписывать. А он, не будь дурак, стал у мнихов Печенгского монастыря и у посадских мзду вымогать, в обмен обещал размер их угодий занизить, чтоб, значит, с них подати меньше брали. А тем, кто отказывался, наоборот, завышал... Но мы сейчас не об этом. Вот! – Найдя нужную страницу, Барченко повел пальцем по строчкам. – Покуда Алай писцовую книгу составлял, компаньон его Мартемьянов вел что-то вроде дневника, куда записывал разные разности... Слушайте! – И, сдвинув очки на кончик носа, он стал нараспев читать: – «Приключился намедни жах. Лопин из местных, по прозванию Харьяг, впал внезапно в неистовство, зачал каменцы тяжкия в небеса метать, рыки производить утробныя и словесы изрекати, каковых ни един наш толмач уразуметь не мог. Опосля чего, ближних своих помяша изрядно, устремил стопы на север и потонул в болотине. Никто же его остановить не решахуся, ибо стать его плотская такую могучностию налились, что ни единому витязю не пересилить...» Ничего вам не напоминает?

Барченко хитро жмурился на Вадима из-за толстых стекляшек.

– Позвольте! Значит, это явление уже описано?

– Неоднократно. – Барченко захлопнул фолиант и чихнул от поднявшейся пыли. – Есть сведения, что в тысяча семьсот девяносто втором году на промысловой шхуне купца Рыбина занемог цингой его сын Алексей. Плыли они тогда в высоких широтах, в Баренцевом море. Мальчишка уже при смерти лежал, как вдруг северное сияние полыхнуло. И что вы думаете? Этот полумертвый с одра своего вскочил – и бегом на палубу! Матросы его за руки, а он расшвырял всех, как котят, и за борт. Стал грести в сторону полюса, но вода стылая была, конечности холодом сковало, и утоп он, как тот лопин. В прошлом столетии похожий припадок наблюдался сразу у семидесяти казаков, а лет эдак двадцать пять тому назад двое норвежцев убежали по льду, а когда их ловить стали, они зарубили топором штурмана и вырвались...

– Так что же это такое, Александр Васильевич? – допытывался Вадим. – Болезнь?

– Названий сему – легион. – Барченко раскурил погасшую трубку. – Арктическая истерия, меряченье, зов Полярной звезды... Якуты говорят: мэнэрик – то есть «делать странно-сти». Академик Бехтерев относит это состояние к психопатологическим. Проявляется оно по-разному: человек может помимо воли подчиняться приказам извне или копировать действия других людей... При этом он обретает силу невиданную, становится нечувствительным к боли, лезет напролом. Представляете, на что способна толпа, если она поражена таким приступом?

– Боюсь представить... Кто же подвержен этой арктической истерии и чем она вызывается?

– Жертвами в первую голову становятся лопари – аборигены Кольского полуострова. Но не только. Как мы видели, накрыть она может любого, кто заглянет в те места и разгневает тамошних духов. Да-да! Лопари доказывают, что их боги живут в подлунном дворце и зорко бдят оттуда за тем, что творится на грешной земле. И ежели кого-то надобно изъять из земного жития, распахивается оконце, оттуда бьет избранному в темечко луч, который отключает его от окружающего мира... душа втягивается через это оконце в потусторонний резервуар, а телесная оболочка, лишившись главного содержимого, идет себе куролесить...

– Однако душа иногда возвращается...

– Духи – они разборчивы, присмотрятся потщательнее да и поймут, что не тот кувшин опростали. Заполняют его обратно.

Издевается или как? Вадим буравил шефа пристальным взглядом, а тот все попыхивал трубкой и ничем не выдавал своего отношения к рассказываемой бредятине.

– Но вы же не верите во всю эту ересь, правда?

– Я покамест сам не разумею, дражайший Вадим Сергеевич. Вот и уповаю на предстоящую экспедицию...

– Вы отправляетесь в экспедицию?

– Мы, Вадим Сергеевич, мы! Вы, я и проверенные сотрудники нашего департамента. А вы что думали, я просто так, от скуки, перед вами тут битый час распинаюсь? Всю подноготную выложил, секретную съемку показал...

Вадим заелозил на диванчике. Грудь распирало от предчувствия чего-то захватывающего, такого, что разве только на страницах романов Жюль Верна или Брэма Стокера происходит. Вот же вывезла кривая после восьми лет тьмы и одиночества!

– Я по вашему лику вижу, что о согласии вопрошать не надо. – Барченко смежил веки, как довольный котяра, и промурлыкал: – Вот и ладненько! Такой помощник, как вы, нам очень пригодится.

– А каков маршрут?

Александр Васильевич привстал, уцепил лежавшую на письменном столе карту мира, метра два в длину и не менее полутора в ширину, разостлал, повел концом трубки, как школьной указкой, от Москвы влево и вверх.

– Следите... Сперва едем в Петроград, на этом отрезке сложностей я не предвижу. Засим, запасшись провиантом и снаряжением, движемся через Карелию на Север по Мурманской железной дороге. Повторяем путь Ферсмана и его спутников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.